Ксения Мэо

Ассистентка лорда дракона

Ксения Мэо

Ассистентка лорда дракона

«Автор»
2026

Мэо К.

Ассистентка лорда дракона / К. Мэо — «Автор», 2026

Благодаря особому дару, я устраиваюсь в императорский гербовый архив. Теперь я — ассистентка императорского геральдиста и должна помочь ему навести порядок в родовых книгах и организовать рыцарский турнир.Выжить при императорском дворе та еще задачка! Ревнивые фрейлины строят козни, озабоченные дворяне не дают проходу. Неизвестные похищают и грозятся убить моих родных, если я не проведу на турнир заговорщиков. Шпионы заговорщиков следят за каждым моим шагом.А мой начальник, древний и могущественный лорд дракон, кажется, начинает меня в чем-то подозревать

© Мэо К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Ассистентка лорда дракона 5
Глава 1 6
Глава 2 8
Глава 2.1. 10
Глава 3 14
Глава 4 16
Глава 5 19
Глава 6 22
Глава 7 25
Глава 8 28
Глава 9 30
Глава 10 32
Глава 11 35
Глава 12 37
Глава 13 39
Глава 14. 41
Глава 15. 43
Глава 16 46
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Ксения Мэо
Ассистентка лорда дракона

Ассистентка лорда дракона

Глава 1

Ноги заледенели. Руки красные от мороза. Проскальзываю в здание архива. Стараюсь прошмыгнуть незамеченной, потому что опоздала. Когда я почти добираюсь до спуска в архивный зал, где работаю, в спину летит трескучий голос начальника.

— Миранталь, почему опоздала?

Останавливаюсь и поворачиваюсь:

— Извините, мастер Виралес, — смотрю в блеклые глаза архивариуса. — Сугробы…

— Ладно, Ариенна, — скрипит начальник, — на первый раз прощаю. Иди работай. Сегодня императорская инспекция.

Спускаюсь в большой темный зал, разделенный забитыми книжными стеллажами на закутки. С наслаждением втягиваю запах пергамента, старой бумаги и восковых свечей и бегу к своему столу.

Скинув полушубок, заматываюсь в старую шаль, запускаю тусклую люмосферу над головой и водружаю на стол толстенный гербовник благородных родов Запада.

Несколько часов изучаю книгу в полной тишине. Коллег отчего-то не видать. Ну и отлично! Никто не мешает, и я ныряю в работу с головой. Перед глазами мелькают гербы, витиеватые тексты, изящные миниатюры.

К вечеру в полном одиночестве успеваю изучить три книги. Когда я снимаю с полки четвертую книгу и поворачиваюсь к своему рабочему месту, сердце дергается в легком испуге.

На мой стол присел громила с красным лицом и маленькими поросячьими глазками. Переписчик Петер, чтоб его… В нос бьет противный запах кислой капусты и перебродившего яблочного сока, которым этот экземпляр успел угоститься.

— О-о-о… Сладкая Ариенна, — тянет Петер с сальным блеском в глазах. — А я пришел поздравить тебя с днем рождения. Готов выполнить одно твое желание.

Поборов тошноту, холодно отвечаю:

— Спасибо, Петер, — улыбаться ему ни в коем случае нельзя, иначе навыдумывает себе невесть чего. — Желание, говоришь? Хорошо. Освободи, пожалуйста, мой стол.

— Ты чего такая неласковая, а? — он поднимается и делает ленивый шаг ко мне.

Молчу, прижимая к груди книгу. Не стоит злить Петера, он — племянник Виралеса. Как бы хорошо я ни работала, но начальник, если что, вряд ли займет мою сторону. А мне терять эту работу никак нельзя. Иначе мне, маме и братику с сестричкой будет не на что жить.

Петер отходит в сторону, пропуская меня к столу. Стоит, сложив руки на груди и пошатываясь. Я скольжу мимо него. Смотрю перед собой. Ощущаю липкий, как кисель, взгляд.

— Ты тут недотрогу из себя строишь, — произносит Петер, когда я прохожу рядом. — Думаешь, что на дочь предателя и вора взглянет хоть кто-то?

Я стискиваю зубы, чтобы жестко не ответить Петеру. Просто иду к своему рабочему месту.

— Да если бы не твой дар, ты бы тут не работала! — бьют в спину грубые слова Петера. — Была бы подавальщицей в таверне и грела бы постель клиентам!

Дар Миранталей — невероятная зрительная память. Это гордость моего рода. Поэтому от грязных слов Петера в душе вскипает лава. Оборачиваюсь и прожигаю грубияна взглядом.

— Если бы не твой дядя, ты бы тоже тут не работал! — слетает с языка быстрее, чем успеваю подумать.

Петер звереет. В пару шагов оказывается рядом, толкает меня своей лапищей. Я отлетаю спиной в стеллаж. Громила подскакивает ко мне с похотливой улыбкой, а я… бью его в челюсть тяжеленной книгой, которую всё это время держала в руках.

Петер с воем отшатывается, зажимает рукой рот, сквозь пальцы проступает кровь.

— Заплатишь, ш-ш-шука… — тянет он шепеляво и начинает двигаться на меня.

— Стоять! — разносится по залу низкий мужской голос, в котором столько власти, что Петер замирает, испуганно глазами, как лошадь.

Я тоже замираю. И сердце, кажется, останавливается, пропуская удар. И дышать перестаю. Даже волоски у меня на затылке, кажется, встают дыбом. А по телу маршируют мурашки.

Раскатистый, словно морской прибой, голос цепляет внутри меня какие-то струны, и их вибрация прошивает тело. Мне знаком этот голос… Гляжу в сторону входа и вижу бледного Виралеса, а рядом с ним…

Ох…

Испуганно отвожу взгляд.

Сам лорд дракон Тальгринар Родар Фламберг! Прославленный военачальник. Губернатор мятежного Грюннендрахта, который умудрился обуздать город и при этом никого не сжечь. Советник Аурона Первого. Посол Аурона Второго…

— Вы в порядке, леди Ариенна? — голос Фламберга с нотками беспокойства пробирает до дрожи.

Что-то трепещет под ребрами, стоит ему заговорить. Щеки предательски теплеют. Точно так же я густо краснела, когда девчонкой-подростком сталкивалась с ним в коридорах императорского замка.

Неизменно вежливый и обходительный, он ни разу со мной не заговорил. И хорошо! Потому что, если бы он обратился ко мне таким голосом — я бы, наверное, умерла на месте от остановки дыхания и сердечного приступа.

Украдкой смотрю на его высокую стройную фигуру, широкие плечи и гордую осанку. На мужественное лицо в окаймлении темных волос.

И тут он ловит мой взгляд. И уже не отпускает. Я проваливаюсь в черные колодцы с магическими золотистыми искрами.

Фламберг медленно направляется ко мне. Двигается плавно, мягко. И при этом так уверенно, будто всё тут, даже я с моими горячими щеками, принадлежит ему. Петер шарахается при его приближении и пятится к дядюшке. А тот сжимается, словно хочет исчезнуть.

Фламберг подходит ко мне. Улавливаю исходящий от него аромат древесного угля и нагретого солнцем камня. Фламберг берет мою руку и с легким поклоном подносит к губам. Продолжает смотреть мне в глаза. Золотистые искорки в его взгляде вспыхивают на одно мгновение, словно костры, в которые подбросили дров.

Едва заметное, как дуновение ветра, касание его губ рассыпает по моей коже ворох мурашек.

— Рад видеть вас, леди Ариенна, — рокочет лорд дракон с мягкой улыбкой. — У меня для вас подарок на день рождения.

С этими словами он выпрямляется, с задержкой отпускает мою ладонь и достает из внутреннего кармана конверт. Протягивает мне. Я ошарашенно смотрю на дорогую белую бумагу, на сургучную печать с оттиском герба императорского дома Доминотраксов.

Перевожу взгляд на Фламберга. Он едва заметно приподнимает уголок губ и просит:

— Читайте.

Трясущимися руками вскрываю конверт, достаю письмо и начинаю читать. И после первых же слов окончательно забываю, как дышать.

Глава 2

“В связи с обнаружением пропавших гербовых книг и проведенным расследованием, которое выявило непричастность Альберта Миранталя…”

Я спотыкаюсь на слове “непричастность”, поднимаю взгляд от письма и смотрю на Фламберга. Он едва заметно кивает.

Сердце начинает биться чаще, сглатываю и снова вгрызаюсь взглядом в письмо. Жадно поглощаю слово за словом.

“...непричастность Альберта Миранталя к хищению, его имя императорским указом Ее Величества Фероции Первой реабилитируется, его роду возвращаются регалии и почетное место герольда при дворе”.

Как долго я этого ждала!

Семь лет назад моего отца, императорского геральдиста Альберта Миранталя, обвинили в краже магических гербовых книг. В наказание его с семьей сослали из Драконариса в вечно холодный Смаугберг.

Расследования не было, потому что обвинил папу сам император Аурон Второй. А кто рискнёт возразить императору? Наш род растоптали, а имя смешали с грязью.

Папы не стало пару лет назад. Он умер, так и не отмывшись от лживого обвинения.

И вот сейчас я держу в руках письмо с подписью императрицы и читаю, что его доброе и честное имя наконец-то восстановлено.

Я зажимаю рот ладонью, чтобы не завопить от радости. Рывком втягиваю носом воздух, сердце скачет где-то под горлом. Глаза щиплет, и я часто-часто моргаю, чтобы не разреветься.

Делаю пару быстрых вдохов и ощущаю руку Фламберга на плече. Лорд дракон то ли придерживает меня, опасаясь, что я тут прямо грохнусь в обморок. То ли заранее удерживает на случай, если мне вздумается прыгать от радости. В любом случае его жест действительно успокаивает. Драконья магия?

— Дочитайте до конца, — тихо произносит Фламберг.

“Леди Ариенна Миранталь как наследница рода и обладательница семейного дара вправе получить место при императорском гербовом архиве. В случае согласия ей надлежит явиться в императорский дворец, дабы приступить к работе немедленно”.

Это, кажется, просто не может быть правдой. Слишком много хороших новостей для одного дня. В происходящее верится с трудом. Я перечитываю последний абзац дважды и… щипаю себя запястье.

Боль вполне реальная. Значит, не сон.

Смотрю на Фламберга и замечаю, как он приподнимает один уголок рта. Его ноздри едва заметны подрагивают. А золотистые искорки в глазах весело вспыхивают.

А я снова чувствую, как по лицу разливается волна жара. Наверное, мой жест выглядит по-детски наивно. Опускаю взгляд в письмо, но строчки расплываются. Смотрю и не вижу.

— Ну так как, леди Ариенна, вы согласны поступить на службу при императорском гербовом архиве? — тихо рокочет, склоняясь слишком близко, Фламберг.

Тепло от его дыхания проникает под кожу и будит под ребрами тянущее сладкое чувство. Мысли скручиваются в узелок. И совсем не хотят распутываться.

А тем временем от моего ответа сейчас зависит многое. Возрождение славы Миранталей, будущее братишки Клауса и сестренки Марго, здоровье мамы… Она за эти семь лет постарела на все пятнадцать.

Но справлюсь ли я? И что ждет меня при дворе, полном хищников, самый опасный из которых сейчас стоит непозволительно близко ко мне?

Сжимаю зубы, поднимаю лицо и встречаюсь взглядом с Фламбергом.

— Да, — отвечаю с невесть откуда взявшейся твердостью. — Я согласна.

На лице лорда дракона расползается довольная улыбка. Он по-свойски берет меня под локоть и подталкивает к выходу.

— Тогда нам надо обсудить детали. Пойдемте, леди Ариенна. Думаю, кабинет мастера Виралеса для этого вполне годится.

Мы проходим мимо застывших Виралеса и Петера. Дядя с племянником с распахнутыми ртами молча провожают нас взглядами.

В роскошном кабинете начальника тепло. Фламберг галантно подводит меня к одному из двух кресел у кофейного столика и помогает сесть. Сам погружается во второе и откидывается на спинку, положив руки на подлокотники. Следит за мной изучающим взглядом.

— Завтра за вами прибудет экипаж из столицы, — начинает он наконец. — Он отвезет вас в Драконарис. Там вам в кратчайшие сроки надо будет восстановить несколько утраченных гербовых книг. Точнее говоря, все, кроме одной — магической гербовой книги родов Запада.

Пальцы немеют, руки покрываются мурашками.

— Но откуда она взялась? Это же та, которую якобы украл отец, — запинаясь, спрашиваю я.

Фламберг подается вперед. И я невольно повторяю его движение.

— Императорская инспекция, назначенная уже при Фероции Первой, выявила, что некоторые книги из гербового архива пропали. Стали искать у тех, кто мог вынести. И нашли у Брота…

— Это того, который был ассистентом отца? — перебиваю Фламберга и слишком поздно соображаю, как неподобающе поступаю.

— Верно, — как ни в чем не бывало кивает он. — У него нашли книгу, якобы похищенную вашим отцом. И Брот сознался, что он подставил вашего отца по приказу императора.

Дыханию становится тесно в груди. Я всегда догадывалась, кто за всем стоит. Но…

— Зачем императору так поступать? Отец безупречно выполнял работу.

Фламберг наклоняется еще ближе. А я снова неосознанно зеркалю его движение. Собеседник, сверкнув глазами и понизив голос, рассказывает:

— В том-то и дело, — он так близко, что я ощущаю его горячее дыхание кожей. — Взойдя на престол, Аурон принялся раздавать гербы за весьма сомнительные подвиги. В их числе значилось, например, умение рассказывать анекдоты. Ваш отец не мог допустить подобного унижения геральдики и всячески саботировал императорские указы. То эскиз некрасивый сделает, то комиссия не соберется… В какой-то момент Аурону это надоело.

Наступает тишина. Я отстраняюсь, сижу какое-то время молча и перевариваю услышанное.

— А другие книги в итоге нашли? — выдавливаю наконец.

— Как в воду канули, — качает головой Фламберг. — Поэтому короне и нужны Миранталии и их память. Вы же еще в детстве перечитали весь архив. Вам надлежит его восстановить. Но это не всё, ради чего вас приглашают. Есть еще одно важное дело, где без знаний и опыта Миранталей не обойтись.

Я облизываю пересохшие губы и превращаюсь в слух.

Глава 2.1.

Ариенна с Марго и Клаусом

Отец Ариенны Альберт Миранталь

Тальгринар Родар Фламберг

Император Аурон Второй

Глава 3

В голосе Фламберга пробиваются торжественные ноты.

— Вам поручено подготовить рыцарский турнир. Ее Величество желает отметить свое восшествие на престол громко и так, чтобы вспоминали долго и с восхищением. На турнир должны быть приглашены благороднейшие дома.

Воздух в легких схлопывается. Я икаю.

Турнир! Отец устраивал грандиозные турниры. От одних воспоминаний о них в животе щекотка, а в пальцах приятное покалывание. Мне никак нельзя оплошать.

Фламберг снова откидывается на спинку и следит за моим лицом, которое, кажется, и не думает скрывать мои страхи и сомнения. Лорд дракон слегка наклоняет голову и мягко уточняет:

— Вам всё понятно? Может, хотите что-нибудь уточнить, обсудить?

О! После стольких лет лишений ещё как хочу! Кое-как развязав и распутав мысли, сжимаю кулаки.

— Да, — перехватываю взгляд Фламберга и замечаю искру интереса в черных бездонных глазах. — Что насчет моей семьи?

— Если вы всё сделаете хорошо, ваша семья сможет переехать к вам во дворец. Корона обеспечит ее всем необходимым. Жильем, пропитанием, образованием…

Вот теперь я точно согласна!

Семилетней Марго нужен учитель рисования. Дома висит папин портрет, написанный ею. И эта наивная простая картинка передает его несгибаемый характер лучше, чем все придворные портреты вместе взятые. А сегодня она подарила мне мой портрет. И хоть он сильно мне льстит — уж слишком утонченная я на нем вышла, с по-стрекозьи большими темными глазами и густой волной темно-каштановых волос — но мою порывистость и деятельность она уловила точно.

Двухлетнему Клаусу надо срочно нагять наставника по верховой езде. Он не выпускает из рук своего игрушечного всадника на лошадке и грезит стать кавалеристом.

А маме… Маме надо отдохнуть где-нибудь в теплых краях.

— Хорошо. Тогда ещё вопрос. В письме не указана моя должность.

Фламберг взмахивает рукой и обволокающим тоном рокочет:

— Вы же понимаете, что сразу должность начальника вам никто не даст… Вы молоды, к тому же женщина. Вам надо будет завоевать авторитет и признание. Но после турнира, если он пройдет на высоте, я уверен, вас все оценят по достоинству… Поэтому сейчас вам предлагают должность ассистента императорского герольда.

— И кто будет моим начальником? Кто-то из бывших папиных помощников? — медленно спрашиваю я, перебирая в уме их имена.

Все они отвернулись от отца, когда на него обрушилась беда. И меня охватывает гадливое чувство, стоит представить, что кто-то из них будет отдавать мне распоряжения.

— О нет. Все они сейчас на пути в Тенебру. Геральдикой они теперь займутся… никогда, — на лице Фламбергу мелькает полуулыбка.

А мне от одного упоминания Тенебры становится не по себе. Это главная императорская тюрьма в провинции Хауптдрахт. Страшное место.

— Пока что должность императорского герольда буду занимать я, — медленно произносит Фламберг.

— Но… Разве вы имели дело с геральдикой? — растерянно спрашиваю я и снова прикусываю язык.

Вжимаюсь в глубины кресла, словно пытаюсь спрятаться от проникающего сквозь кожу черного взгляда с золотыми искорками. И снова эта насмешливая ироничная улыбка. Фламберг поднимается из кресла, медленно проходит ко мне и останавливается рядом. Нависает надо мной.

— Я имел дело с управлением людьми и драконами, леди Ариенна. И я отлично чувствую, когда мои подчинённые лучше понимает, что делать. Обещаю не мешать вам выполнять свою работу, — он кладет руку на спинку кресла и наклоняется так, что между нами почти не остаётся расстояния. Воздух становится густым, плотным, словно перед грозой. — И при этом сделаю всё, чтобы дать вам надежную опору.

Я вынуждена запрокинуть голову, чтобы смотреть в черные глаза лорда дракона. Он ещё раз проходится горячим взглядом по моему лицу. А затем отодвигается и отстранённо, словно в комнате все ещё не искрит воздух, говорит:

— Завтра вас заберёт императорский экипаж с сопровождением опытных солдат. Вас в целости и сохранности доставят в столицу. Увидимся через несколько дней.

Я подхватываюсь из кресла и исполняю неуклюжий от спешки реверанс. Но я достаточно нарушила сегодня правил вежливости, не хочу остаться в памяти Фламберга невеждой.

Он кланяется, перехватывает мою ладонь и подносит к губам, снова рассыпая по моей коже дрожащие мурашки. Напоследок опаляет меня черным взглядом и покидает кабинет.

Через полчаса я лечу домой по вечерним темным улицам не чуя под собой ног.

Мне не терпится рассказать маме новости.

Отца оправдали, пусть и посмертно. И теперь имя Миранталей больше не будет черной меткой. А меня пригласили в столицу!

Да, придется расстаться на время, но я буду присылать деньги, а скоро и вовсе заберу маму с Клаусом и Марго. Сейчас я твердо намерена добиться того, что о моем турнире будут вспоминать долго. Может, даже слагать песни и рассказывать легенды.

Подлетаю к дому и резко останавливаюсь, словно натыкаюсь на невидимую стену.

Сердце проваливается в пятки. Окна не горят. Что-то не так.

Глава 4

Света в окнах нет.

Дым из трубы тоже не идет. Хотя тут, в Смаугберге, мороз такой, что если не топить, дом вымерзает за пару часов.

А самое главное — тишина. Клаус и Марго просто не могут не шуметь!

Сердце заходится в страхе за родных, почти не дыша толкаю дверь. Она со скрипом открывается. Не заперто… Вхожу в дом, который мне кажется мертвым.

В нем ни звука, кроме моего испуганного дыхания. Облачка пара вырываются из моего рта.

Ни Марго, ни Клаус не вылетают меня встретить. Что могло случиться? Я срываюсь на второй этаж, влетаю в темную детскую. Луна, заливающая комнату через незашторенные окна, позволяет рассмотреть каждую деталь.

Бардак. Но не так, как когда играют дети. А такой, словно шкаф и комоды просто стошнило игрушками и вещами. У мамы в комнате та же картина.

Но самих братика, сестрички и мамы нет.

Забегаю к себе и… останавливаюсь как вкопанная. Что происходит? На моей кровати стоят аккуратно уложенные дорожные сумки, рядом с кроватью дорожный сундучок, книги сложены стопками и перевязаны веревками. Все выглядит так, будто меня подготовили к далёкому путешествию…

Голова кругом. На деревянных ногах спускаюсь на первый этаж. В животе крутится ледяная обжигающая спираль. Прохожу на кухню. Луна услужливо высвечивает мне следы борьбы. Мука рассыпана по полу, посуда перевернута, на столе брошены скалка и формочки для печенья.

Страшное осознание, что на моих родных напали и куда-то увели, бьет наотмашь. В глазах темнеет.

Кто это мог быть?

Петер, которого задела ситуация в архиве? Но судя по тому, как вымерз дом, всё случилось раньше…

Да и кто тогда упаковал сумки? Может, мама? Но где она сейчас?

И тут за спиной раздается оглушительный хлопок.

Я подскакиваю и оборачиваюсь. У захлопнувшейся двери, привалившись к стене, стоит темный силуэт в плаще и капюшоне.

Незнакомец отлепляется от стены и начинает надвигаться на меня. Выйдя из тени, он попадает в холодный свет луны. И теперь я могу рассмотреть его массивную фигуру. Под плащом угадываются мускулы, когда полы расходятся, на поясе мелькают простые ножны.

Но чего я не вижу — это лица. Лунный свет ныряет под капюшон, но там шарф, намотанный вокруг головы. Видны лишь глаза.

Это точно не Петер и никто из его дружков. Все они такие же, как и их приятель — обрюзгшие, расползшиеся в стороны. А этот незваный гость хоть и ниже моего коллеги, но куда массивнее.

Я отступаю, упираюсь спиной в стол и отклоняюсь назад.

— Где мои родные? — выдавливаю с усилием.

Воздуха сделался вязким, плотным, как камни. Дышать таким сложно. Он забивает грудь и проталкивать его приходится с усилием.

Подойдя почти вплотную, незнакомец останавливается. Смотрит сверху вниз.

— Привет, Ариенна… — приглушенно шипит он. — Садись, в ногах правды нет. Нам надо с тобой поговорить.

— Где?.. — начинаю я.

Но незваный гость грубо меня прерывает:

— Заткнись и сядь!

Я киваю и резко замахиваюсь скалкой, которую нащупала за спиной. Только мой маневр ни к чему не приводит. Незнакомец выбрасывает вперед руку, перехватывает мою кисть и как-то так ее выворачивает, что пальцы сами разжимаются, а руку до плеча пронзает острая боль. Скалку стукается о пол.

— Хотел же по хорошему… — устало бормочет незнакомец и ведет меня, не выпуская моей выкрученной кисти, вокруг стола к стулу.

Я семеню за ним в изогнутой позе. Шиплю от боли и унижения. На глаза наворачиваются слезы.

Незнакомец швыряет меня на стул. Я бьюсь о спинку, планки врезаются в ребра. Голова моя дергается назад. И в этот момент незнакомец выхватывает из ножен меч и приставляет его к моему горлу.

— Это чтобы больше никаких фокусов, — спокойно объясняет он.

Я с ужасом смотрю, как лунные блики скользят по лезвию меча.

— Где мои родные? — повторяю я вопрос.

При каждом слове горло ощущает кончик меча и я внутренне сжимаюсь от страха. Но до меня уже начинает доходить, что если бы меня хотели убить или покалечить, уже бы это сделали.

Судя по довольно бескровным методам воздействия, я этому вторженцу нужна живой и, кажется, невредимой.

— Ты задаешь неправильные вопросы, — с насмешкой в голосе сообщает незнакомец.

— Кто вы? — предпринимаю новую попытку я.

Он издает издевательский смешок:

— Ну-ну-ну… Неужели ты думаешь, мы тебе это скажем? Давай еще…

Я собираю разбегающиеся мысли в кучи и спрашиваю:

— Что вам нужно?

— А вот это уже правильный вопрос. Я тебе тоже задам один и надеюсь, что ты дашь на него правильный ответ.

Не убирая оружия, он подтягивает ногой второй стул, садится на него и начинает:

— Мне и моим друзьям нужна от тебя маленькая услуга.

— Я обычная сотрудница архива, который затерялся в ледяной дыре на карте империи, — парирую я. — Вряд ли я могу оказать вам какую-то услугу.

— Ошибаешься, милочка, — посмеивается он. — Ты то, что нам нужно.

Не дождавшись от меня новых вопросов, он продолжает:

— Видишь ли, я и мои друзья очень хотим попасть на императорский турнир, который ты будешь готовить.

— Ну так купите билеты на трибуны! Обещаю сделать вам скидку, — ровным голосом отвечаю я.

— Если ты хочешь, чтобы твои братик, сестричка и мама вернулись к тебе живыми и здоровыми, тебе стоит перестать дерзить, — глаза незнакомца опасно сужаются.

Я немею… При чем тут мои родные? Глаза начинает щипать от подступающих слез. Я шумно, с всхлипом вдыхаю воздух носом.

— Ну-ну-ну… — качает головой незваный гость. — С ними все хорошо. Пока. Чтобы увидеть их, тебе надо сделать так, чтобы я и мои друзья попали на турнир в качестве участников. Желательно поближе к императрице. А для этого нам немного не хватает родовитости. Какая удача, что гербовые книги из императорского архива пропали! Но ведь ты же вспомнишь в числе самых достойных наши семейства?

Острие меча упирается в нежную кожу под подбородком. Сглатываю, я ощущаю его холодное давление.

— Вы… — я сглатываю и смотрю в глаза. — Вы хотите, чтобы я подделала…

— Тщ-щ-щ… — прерывает меня незнакомец. — Не подделала, а вспомнила… Ну так как, ты согласна помочь мне и моим друзьям?

Глава 5

Я молчу. Не в силах сказать “да”.

Незнакомец чуть сильнее давит на меч. Сердце испуганно дергается. Перед глазами встают лица Марго и Клауса. Такие, как сегодня утром, — сияющие, с улыбками, с ямочками на щечках.

Их убьют, если я сейчас откажусь…

— Да! — рвано вскрикиваю я. — Я помогу, но…

Незваный гость ослабляет давление и смеется. От его свистящего смеха по коже мороз.

— Ты еще ставишь нам условия?.. — отсмеявшись, хрипло произносит незнакомец.

Сквозь стиснутые зубы выдавливаю:

— Мне надо знать, что мои родные живы. Иначе как я могу вам верить?..

Негодяй убирает меч, и я могу наконец сесть прямо и отдышаться. Шею сзади пронзает боль, отдающая в голову и спину, мышцы сводит от напряжения.

— Резонно… — задумчиво произносит незнакомец. Потом кивает сам себе и говорит: — Хорошо, будут тебе доказательства, что твои мелкие и мамаша живы.

— Каждый день, — твердо произношу я.

— Раз в неделю, — глухо отрезает незнакомец.

Я молчу. Незнакомец достает из складок плаща свиток и дает мне. Я разворачиваю. Луна сегодня такая яркая, что без труда в ее свете читаю перечень фамилий. Тридцать две. Они тут же оседают в памяти, намертво укоренившись в ней.

Тридцать два предателя… Рука с листком дрожит. В уме я уже представляю, как все до последней передаю Фламбергу. Думаю, раскрытие заговора — отличное начало для моей карьеры. Тогда я наверняка смогу быстрее забрать родных в Драконарис.

— Прочитала? Запомнила? — спрашивает незнакомец.

Киваю.

— Отлично… — незнакомец забирает обратно список, щелкает пальцами, и комнату на мгновение озаряет яркая вспышка — мимолетное пламя в доли секунды пожирает улику.

Я заслоняю лицо рукой. Белый отпечаток вспышки еще какое-то время маячит перед глазами.

— А чтобы у тебя не было соблазна сразу по прибытии побежать к императрице и выболтать ей наш с тобой общий секрет, мы… приготовили тебе маленький сюрприз, — тянет самодовольно гость. Затем чуть громче зовет: — Фуртива!

Скрип входной двери. Легкие шаги в холле. В кухню входит еще одна фигура.

Передо мною стройная меланхоличного вида девушка, моя сверстница. Миловидная, с контрастной внешностью. В лунном свете не понять, какого цвета ее глаза. Разбираю лишь, что кожа у нее настолько бледная, что почти сияет. На черных гладких волосах играют синие блики луны.

— Знакомься, Ариенна, — гость театрально взмахивает рукой, представляя мне девушку, — это Фуртива. Твоя служанка и отныне самая близкая подруга. Она настолько переживает за тебя и твою честь, что вынуждена следить за тобой. Подглядывать и подслушивать.

Сцепляю зубы и сжимаю кулаки. Во рту горечь. Досадую на свою наивность. Конечно. Глупо было полагать, что заговорщики так просто отпустят меня.

Девушка одаривает меня ледяным взглядом и приседает в изящном, нарочито вежливом реверансе.

— Рада познакомиться, Ариенна, — холодным будничным тоном произносит она. Ни дать ни взять — светский раут, а не беседа с заложницей на разгромленной кухне.

— Не могу сказать того же, — отвечаю в ее же манере.

— А ты у нас, значит, дерзкая… — коварно улыбается моя новая служанка. — Это хорошо. Таких ломать интереснее всего…

Как бы я ни храбрилась, но ее тон словно падающая на голову сосулька — смертоносный, холодный и абсолютно прозрачный.

Я с кристальной ясностью осознаю, что она гораздо опаснее, чем ее дружок с мечом.

— Смотри сама не обломайся, — бросаю ей.

Фуртива щурится и с наслаждением тянет: “М-м-м-м…” Будто съела что-то вкусное. Ее дружок подходит ко мне, нависает сверху, скрестив руки на груди и жестко выговаривает:

— Слушай внимательно. Если Фуртива решит, что ты играешь против нас — твои родные умрут. Если Фуртива решит, что ты плохо стараешься вспомнить гербы — твои родные умрут. Если Фуртива не выйдет с нами на связь в условленное время — твои родные умрут.

Каждое слово ядовитым жалом вонзается в сердце.

Душу затапливает вязкий ужас понимания, что я полностью в руках этих извергов. Что они могут и будут вертеть мною, как хотят. И что моя карьера при дворе начнется с государственной измены.

И почему-то особенно остро чувствуется стыд перед Фламбергом. Его черные глаза с опаляющими искрами не выходят из головы. В груди печет. Под веками жжется.

— Ой… Ты, кажется, расстроил девочку, — тянет Фуртива, состроив жалостливую мордашку. — Она сейчас расплачется.

— Это уже не мое дело, — равнодушно пожимает плечами гость. — Главное, я донес до нее нашу маленькую просьбу. А теперь разрешите откланятся.

Он тихо покидает кухню, входная дверь едва слышно скрипит.

Карета прибывает рано утром. С ней отряд солдат, которыми командует немолодой плотный мужчина с пышными усами. Он помогает погрузить наши вещи, предупредительно распахивает дверцы экипажа, подсаживает нас.

Дорога занимает пять дней. Всё это время Фуртива рядом со мной. Во время пути сидит напротив. Покачивается в такт движения кареты. Смотрит почти не мигая, напоминая опасную змею. Глаза у нее оказываются голубыми, почти прозрачными, как два осколка горного ледника.

Она спит со мной в одной комнате. Ест со мной за одним столом. Даже в уборную сопровождает меня.

Солдаты охраняют меня от угрозы, даже не догадываясь, что главная опасность уже рядом. И что ее представляет миловидная девушка, с которой им так нравится перекинуться парой шуток.

По мере приближения к Драконарису воздух теплеет и наполняется ароматами молодой зелени, звоном ручьев и трелями птиц, а утром пятого дня даже жужжанием насекомых. К обеду мы въезжаем в Драконарис, и колеса кареты громыхают по булыжной мостовой. А салон экипажа пропитывается ароматами городского чада и многоголосьем толпы.

Проехав город насквозь, мы прибываем в императорский дворец. Карета останавливается. Лошади радостно ржут.

Мое сердце так же замирает — от тревоги. Как меня тут встретят?

Фуртива

Глава 6

Снаружи раздаются солдатские приветствия.

Дверь распахивается, и в карету проникает свет и свежий воздух. В проеме возникает лакей, который помогает мне спуститься.

Я быстро осматриваюсь и не узнаю ничего. Высокие крепостные стены, которые мне запомнились угрюмыми и мрачными, теперь скрыты густыми кронами. Сам дворец выглядит светлее и легче.

Вдоль выложенных разноцветной плиткой дорожек высажены розовые кусты, усыпанные роскошными бутонами золотистого цвета. Воздух наполнен их тонким ароматом, пением птиц и плеском фонтанов.

Мы остановились у парадного крыльца. На входе вытянулись стражники с идеальной выправкой. К экипажу спешат несколько крепких слуг.

За спиной слышу скрип. Это лакей помогает Фуртиве спуститься на площадку у замка, затем возвращается ко мне и с поклоном говорит:

— Леди Ариенна, Ее Величество приказали сразу по прибытии сопроводить вас к ней.

Я с тоской смотрю на свое платье, покрытое пылью, местами с потертостями и заплатками.

— Спасибо. Могу ли я переодеться с дороги в… более подходящий наряд?

Я лукавлю: переодеться мне особо не во что. Все мои наряды выглядят примерно так же, только без слоя дорожной пыли.

— Прошу прощения, леди Ариенна, но приказ Ее Величества звучал вполне отчетливо, — склоняет голову набок лакей. — Ваша служанка пока подготовит комнату для вас.

На этих словах он машет рукой, и пара крепышей снимают наши пожитки и несут в боковой вход. Фуртива кидает на меня предупреждающий взгляд и спешит за дворцовой прислугой.

Лакей, затянутый в бархатную ливрею винного цвета, заложив руки за спину, чинно шагает передо мной по узорчатым дорожкам. Я с тяжелым чувством иду за ним. На фоне сочного буйства зелени ощущаю себя невзрачной тенью.

Наш путь по лабиринту дорожек проходит через открытую круглую площадку. На ней несколько фрейлин с задорным смехом удирают от разряженных юношей, некоторые из которых сильно старше меня.

При моем появлении игра прекращается, и я ощущаю на себе любопытные взгляды. Дорогу мне и лакею загораживает безусый румяный верзила со светлыми волосами. Он взмахивает холеной рукой, подзывая остальных.

— Вы посмотрите только, какая прелесть! — высоким голосом восклицает он, рассматривая меня, как какую-то диковинку.

Я останавливаюсь, понимая, что только что подвезла этим бездельникам бесплатное шоу. Они окружают меня, оттесняя невозмутимого лакея. Глазеют. Шушукаются.

— А это, наверная, та самая геральдистка, которую вывезли откуда-то с Севера, — вслух предполагает одна из девушек.

В ее голосе отчетливо слышится пренебрежение. Тонкой иглой вонзается в самолюбие и будит во мне колючую злость.

— С Севера? — наигранно удивляется стоящая рядом со мной блондинка. Она протягивает руку и осторожно, будто я могу укусить в ответ, касается заплатки у меня на рукаве. — А это такая мода у вас на Севере? Что-то новенькое!

Она бросает взгляд на верзилу, который послушно смеется. И по площадке разносится нестройный смех. Я спокойно жду, пока они перестанут издавать натужное хихиканье, и спокойно отвечаю:

— Видите ли, в этом месте я посадила чернильное пятно, когда переводила манускрипт со стародраконьего. А вот тут, — я приподнимаю руку и показываю вторую заплатку на корсаже, — я капнула воском, когда ночной порой чинила переплет старой книги. Ну а это — след от краски, которой я обновляла блеклый герб в справочнике.

Наступает тишина. Придворные явно не ожидали, что я приму вызов. Я упираю в блондинку взгляд и четко выговариваю:

— Заплатки на моем платье — показатель образованности и знаний. А у вас такое красивое платье! Без единой заплатки…

Взрыв хохота, кажется, сейчас сметет меня с площадки. Блондинка стоит с открытым ртом и хлопает густыми ресницами. Темноволосый престарелый юноша толкает ее в бок локтем и со слезами на глазах говорит:

— А она тебя уделала, Ингрид!

Блондинка краснеет, но берет себя в руки. Поведя плечом и окинув снисходительным взглядом смеющихся, она продолжает атаку:

— Как любопытно! Не каждый день в общество роскошных бабочек залетает бледная моль…

По сравнению с тем, что я выслушивала в течение семи лет от суровых северян в Смаугберге, ее выпады — комариный укус на фоне медвежьего. На первый взгляд тонкий, незаметный, но чешется и досаждает еще долго.

Вот только я не упоминала, что книга, переплет которой я чинила, — это самоучитель по изящным придворным спорам и словесным дуэлям. И во время починки я ее перечитала несколько раз.

Так что я с мягкой улыбкой парирую:

— Бабочки действительно очень красивые. Жаль, живут недолго… А моль, если завелась — уже не выведешь.

Новая порция хохота со всех сторон. Симпатичную мордашку Ингрид искажает гримаса злости. Но фрейлина быстро справляется с лицом и дергает головой, давая знак остальным, что потеха окончена.

— Чего встали? — капризным голосом спрашивает она. — Пойдемте играть. А то еще засмущаем эту… драную кошку. — Ингрид разворачивается и собирается покинуть круг.

— Не переживайте за меня, — кидаю ей в спину, — кошек не интересует мнение мышей.

Бездельники снова смеются, но при этом послушно идут за Ингрид. Я выдыхаю, ощущая, как дрожат колени. Это было страшно, но очень бодряще. Словно прыжок в прорубь.

На краю площадки меня ожидает лакей-провожатый, бессовестно бросивший меня на потеху придворным. Он смотрит на меня с интересом и, одобрительно качнув головой, манит за собой.

Я следую за ним. Но уходя с площадки, ощущаю липкий взгляд того верзилы. Пару раз украдкой оглядываюсь и замечаю, что он так и стоит, пялясь мне в спину.

Мы еще какое-то время плутаем по лабиринту парковых дорожек, но в конце концов входим во дворец. Лакей ведет меня на второй этаж, и вскоре мы оказываемся у двери, рядом с которой застыл стражник с горящим взглядом. Верный признак дракона.

Лакей открывает дверь и вводит меня в кабинет, обставленный со сдержанной роскошью. У окна спиной к нам стоит высокая стройная женщина с золотыми волосами и в богатом наряде.

Я делаю пару шагов внутрь и понимаю, что отсюда площадка, где мы с Ингрид упражнялись в острословии, как на ладони. А когда императрица поворачивается ко мне и смотрит на меня золотыми горящими глазами, я осознаю, что она, вполне возможно, слышала нашу с фрейлиной светскую беседу.

Её Величество императрица Фероция Первая Доминодракс

Глава 7

Ее Величество Фероция — драконица. И судя по тому, что она умудрилась выжить в дворцовых интригах и взойти на престол, очень могущественная и опасная.

Я беру себя в руки и молча кланяюсь. Фероция благосклонно улыбается и указывает на стул перед своим рабочим столом:

— Садитесь, леди Ариенна, — у нее теплый глубокий голос, обволакивающий, как дорогая тяжелая ткань.

Сама императрица плавно проходит к своему рабочему креслу напротив стула для посетителей и грациозно усаживается в него. Шелка тихо шепчутся, золотые нити и драгоценные камни в ее наряде мягко, приглушенно сверкают. Фероция кладет руки на стол и смотрит на меня долгим немигающим взглядом.

Я послушно иду, испытывая трепет, какой ощущала прежде перед величием природы. Сажусь, выпрямляю спину. В сером простеньком платье на фоне дорогого интерьера ощущаю себя мухой, угодившей в мед.

— Я знаю о вашем отце, — начинает Фероция без предисловий. — И сочувствую. Но сочувствие при дворе — роскошь, которую никто не может себе позволить. Поэтому здесь вы его точно не найдете. Впрочем, лорд Фламберг отрекомендовал вас как девушку боевую. Стойкую. Он уверен, что вы справитесь с давлением окружающих. Но у меня возникло желание… проверить это мнение.

Внутри всё стягивается в липкий ком. Проверить. Столкновение в парке… Всё было слишком вовремя, слишком нарочито. Значит, не случайно лакей оставил меня одну с Ингрид и ее подпевалами.

— Было познавательно, — мягко подтверждает Фероция. По ее губам скользит лёгкая улыбка и тут же испаряется. — Вы не растерялись. Не заплакали. Даже нашли, чем уязвить. Это хорошо. Потому что атаки будут. И не такие безобидные.

Она переплетает пальцы на столе. Ногти отливают перламутром.

— Многие при моём покойном брате получили титулы и регалии за умение лизать сапоги или рассказывать похабные анекдоты. Поэтому вас будут бояться. И ненавидеть, — Фероция делает паузу и затем продолжает, добавляя в голос стали: — Вы должны быть готова отбиваться.

Меня корежит от страшной тайны. Аура императрицы взрывает нутро. Вот он — момент для признания! Желание рассказать обо всем жжёт горло, просится наружу. Сейчас. Сказать ей. Выложить всё про список, про угрозы, про Фуртиву.

Императрица сильная. Она может помочь. Она должна.

Я набираю в легкие воздуха, словно перед погружением в воду.

— Я понимаю их, — говорит вдруг Фероция, в ее тоне задумчивость. — В конце концов, они лишь вчера узнали, что у них будет новый герольд. Вернее, герольдистка. До этого информация была… закрытой. Только для узкого круга самых приближенных.

Воздух вырывается из моих лёгких тихим свистом. Я сжимаю края стула, чтобы пальцы не дрожали.

Лишь вчера.

До этого никто не знал.

Лишь узкий круг приближенных...

Меня словно прошивает от затылка до копчика ледяная игла. Когда Фламберг приехал в Смаугберг, еще никто почти не знал, что меня сделают герольдом. Но к этому дню, всё было готово: списки, план, Фуртива.

Значит, заговорщик есть и в сердце этого самого узкого круга высокопоставленных приближённых. Кто это? Министр? Личный секретарь? Начальник тайной канцелярии? Ясно одно: главный предатель сидит рядом с троном. И если я сейчас заговорю, он об этом узнает в числе первых. И тогда мама, Марго, Клаус…

Я захлопываю рот. Глотаю слова вместе со страхом. И они падают в живот каменным грузом.

Императрица смотрит на меня. Молчит. Слишком долго. Золотые зрачки будто прожигают кожу. Горло стягивает спазм.

— Вам надлежит приступить к работе как можно скорее, — наконец говорит Фероция, и в голосе снова звучат деловые ноты. — Герольд — это не только пыльные книги. Это рассадка гостей на пирах. Это контроль за соблюдением этикета. Чтобы какой-нибудь герцог не вызвал на дуэль соседа по столу из-за неправильно поданного блюда.

Лёгкий кивок — и я понимаю, что аудиенция окончена. Поднимаюсь, делаю реверанс. Сердце всё ещё колотится где-то в горле, но разум уже лихорадочно работает.

Лакей с тем же невозмутимым видом провожает меня обратно через парк. Солнце уже клонится к закату, кидая розовые всполохи на деревья и мрамор фонтанов.

Впереди слышится визгливый смех Ингрид и тонкий голосок:

— Отдай! Отдай! — просьбы прерываются сорванным плачем.

На той же площадке, где мы мило пообщались с фрейлиной, с воплями и мелким хохотом скачет компания бездельников. Они нашли новую жертву. Их мишень — маленькая фигурка в пёстром платье из лоскутков. Девочка? В груди клокочет негодование.

Эти дуралеи окружили ее и перебрасывают над её головой ее алый бархатный берет с пером. Она прыгает, пытаясь поймать, но они выше, сильнее, смеются.

Во мне что-то щёлкает. Быстрее, чем я успеваю подумать, врываюсь в круг, поднимаю руку в момент, когда берет летит от верзилы к темноволосому остряку, и хватаю его на лету.

Всё замирает. Смех моментально смолкает.

Я разворачиваюсь и протягиваю берет его владелице. Только теперь вижу: это не девочка. Это девушка чуть младше меня, только крошечная, как ребенок, с непропорционально большой головой и огромными, полными слёз глазами. Карлица. Теперь ясно, почему на ней такой странный наряд. Это придворная шутиха.

— Ваш берет, мадам, — говорю я.

Она хватает его, прижимает к груди, стреляет в меня удивленным взглядом.

— Спасибо… — выдыхает едва слышно. Приглаживает рукой растрепанные волосы, надевает берет и косится на разочарованных из-за окончания забавы бездельников. — Они всегда такие… глупые, как пробки.

Ингрид фыркает и изображает надменную усмешку. Верзила скользит по мне вязким взглядом, от которого неуютно и хочется уйти поскорее.

— Не стоит благодарности, — бросаю я и поворачиваюсь, чтобы идти дальше за лакеем.

— Подожди! — слышу за спиной тонкий голосок. Карлица догоняет меня семенящими шажками. — Я — Беатриче. Шутиха. Мой папа — Фортунато, придворный шут. Он тебе поможет. Потому что за добро платит добром. Это он так говорит.

Она решительно кивает мне на прощание и убегает. Между деревьями и кустами шустрым огоньком мелькает ее яркое лоскутное платье. Странный союзник.

Лакей ведёт меня во дворец. Услужливо распахивает передо мной дверь. Я вхожу и… Интерьеры меня просто оглушают.

Мы проходим насквозь анфилады залов. В паркете под ногами отражаются расписанные потолки, гобелены на полстены и длинные ряды императорских портретов. Меня окутывает запах воска, старины и власти.

Мои покои оказываются на втором этаже, в крыле с окнами на парк. Я открываю дверь и попадаю в маленькую аккуратную прихожую с приоткрытой дверью в следующее помещение. Выходит, мои покои — это не одна, а несколько комнат. Окидываю взглядом изящную банкетку.

И вдруг тишину взрывает голос. Громкий, раздражённый, раскатистый. Голос Фламберга — из моей комнаты! И лорд дракон явно чем-то разгневан.

Глава 8

— …бездарная служанка, которая не может отличить драконий шелк от парчи и норовит примерить то, что ей не принадлежит!

Ответный голос — шипящий, холодный — принадлежит Фуртиве. Я с трудом разбираю слова:

— Я всего лишь проверяла качество ткани!

Сердце проваливается, кажется, прямо в ботинки. По спине тонкой струйкой катятся мурашки.

Быстрым шагом пересекаю маленькую прихожую. За ней просторная комната с высоким потолком, резной мебелью. Угасающее солнце играет бликами на тонких узорах. Мозг мимоходом отмечает все детали — от дубовых стеновых панелей до дорогущей мебельной обивки. Всё случается непроизвольно, ведь мне не до интерьеров.

Видимо, это гостиная. От нее ведут две двери. Я влетаю в ту, из-за которой слышится шипение Фуртивы, и попадаю в спальню. Кровать с балдахином, комод, пара кресел, туалетный столик и шкаф в углу. Всё изящное, выполненное со вкусом. Кажется, это моя комната.

Посреди комнаты черной скалой возвышается Фламберг. Уперев руки в бока и метая глазами молнии, он с гневом смотрит на бледную Фуртиву в шелковом красном платье. Та замерла у раскрытого гардероба. Губы сжаты в тонкую полоску.

Что тут происходит? Неужели Фламберг раскрыл шпионку? Тогда мне… конец! И маме, Клаусу, Марго — тоже!

— В чём дело? — резко спрашиваю я.

Оба оборачиваются. Во взгляде Фламберга черные молнии. Но при виде меня они растворяются в золотистых искрах. А вот взгляд Фуртивы пугает меня до содрогания. Он, словно осколок льда, вонзается в кожу и рвет по живому.

— Леди Ариенна! — Фламберг делает шаг ко мне, говорит уже ровным голосом с насмешливыми нотами. — Вы нашли себе уникальную служанку. Она не только не умеет вешать платья. Она умудрилась… хм… запутаться в одном из них. А заодно прихватила пару ваших браслетов.

— С чего вы взяли, что это ее браслеты? — возмущается Фуртива, крутя на запястье широкий серебряный браслет с тонким узором. — У Ари… госпожи Ариенны отродясь таких не было!

Фламберг сжимает губы и смеряет Фуртиву совершенно убийственным взглядом.

— С того, что я сам заказывал их для твоей госпожи… Как и все наряды.

— Это недоразумение! — надтреснуто скрипит Фуртива. — Я всё объясню…

Она боится. Но вряд ли Фламберга. Скорее всего, того, кто поручил ей следить за мною.

— Объяснений не нужно, — отрезает Фламберг. — Леди Ариенна, я настаиваю, чтобы вы немедленно ее уволили. Я пришлю вам другую, проверенную горничную.

Меня пронзает ледяной ужас. Нет. Только не это. Если Фуртиву прогонят, её сообщники решат, что я таким образом избавилась от их контроля или еще хуже — сдала заговорщиков. Они…

— Нет! — вырывается громче, чем я хотела бы. — Пожалуйста, господин Фламберг. Не надо. Она… она исправится. Это всё моя вина, я не объяснила, как что лежит. У меня нет таких нарядов, требующих особого ухода… Да и воровать, честно говоря, нечего.

Я пытаюсь улыбнуться, но губы дрожат. Фламберг смотрит на меня так, как смотрела бы сама тьма.

— Вы ошибаетесь, — говорит он тихо, и в его голосе появляется опасная мягкость. — Напротив, у вас теперь есть кое-что очень ценное. Пойдемте.

Подходит и берет меня за локоть, твёрдо, не оставляя выбора. Ведет к тому самому гардеробному шкафу мимо замершей Фуртивы. Я от неожиданности спотыкаюсь, но он не дает мне упасть. Подойдя к шкафу, распахивает дверцы.

Я замираю. Дыхание перехватывает.

Передо мной не полупустая палка с парой гвоздей, как в Смаугберге. Передо мной на штанге — платья. Не одно и не два. С десяток. Из тяжелого шелка, парчи, расшитые серебряными нитями, жемчугом, с тончайшим кружевом. Оттенки сдержанные — тёмный изумруд, цвет вина, сливовый, тёмно-синий, как ночное небо.

Отдельно висит тёмно-серое, почти чёрное, деловое платье с высоким воротником и длинными рукавами — идеальное для работы в архиве. Рядом — плащ с меховой оторочкой.

На полках сложены комплекты, кажется, белья. Вспоминаю слова Фламберга, что это он заказал. И лицо наливается огнем. Я не могу вымолвить ни слова. Просто стою и смотрю. Почему-то остро хочется заплакать.

— Ваш гардероб, леди Ариенна, — говорит Фламберг за моей спиной, наклоняясь неприлично близко. Его голос горячей волной струится по шее. — Я позволил себе заказать для вас новые вещи. Чтобы вы выглядели соответственно своему новому положению.

Меня ужасает, какие это громадные траты. Это же тьма денег. Я столько за всю жизнь, наверное, не видела.

— Н-не стоило, — бормочу испуганно, дыхание клочками. — Я заработаю и всё возмещу…

В ответ — низкий, хрипловатый смех. Фламберг отстраняется и рокочет:

— Давайте считать, что они прилагались к месту ассистентки императорского герольда. Униформа.

Я медленно поворачиваюсь к Фламбергу. Глухо выдавливаю:

— Спасибо…

— Как видите, — он бросает ледяной взгляд на Фуртиву, которая так и стоит, держа под грудью не зашнурованное красное платье — у вас есть что испортить. И что украсть. Вы всё ещё настаиваете на том, чтобы оставить эту особу?

В ледяных голубых глазах Фуртивы предупреждение. Она криво усмехается, едва наклоняет голову.

Я поворачиваюсь к Фламбергу. Если я сейчас не отстою Фуртиву, мою семью убьют. Поэтому я встречаю черный взгляд Фламберга и говорю:

— Да, — мне удается унять дрожь в голосе. — Я настаиваю. Она остаётся.

Фламберг не отводит взгляда. Черные глаза бездонными колодцами впиваются в меня, вытягивая на поверхность правду. Фуртива замирает, словно ледяная статуя, которая вот-вот треснет под напором мороза.

— Она... остаётся, — повторяю я, стараясь придать каждому слову твердости.

— Почему? — приподняв бровь спрашивает Фламберг.

Один-единственный вопрос, от которого зависит всё.

Глава 9

Мозг лихорадочно ищет хоть какую-то зацепку. Ложь должна быть простой, личной. Такой, которую нельзя проверить.

— Она... она подруга детства, — выпаливаю я и смотрю куда-то мимо плеча своего начальника. — Из Смаугберга. Её семья... помогала нам в трудные времена. Я обещала ей место, если всё устроится. Она может быть неловкой с непривычки, но она предана.

Повисает густая, как смола, тишина. Я внутренне сжимаюсь, словно перед ударом, и не сразу решаюсь глянуть на Фламберга. Он задумчиво изучает меня какое-то время, а потом… медленно кивает.

— Женская дружба — святое дело, — произносит он, и я отчетливо улавливаю в его тоне неприкрытую иронию. — Что ж. Ваш выбор, леди Ариенна.

Фуртива громко с облегчением выдыхает и едва не роняет платье, но быстро перехватывает его.

— В таком случае, — Фламберг делает шаг назад, разрывая напряженное поле между нами, — завтра утром мы с вами приступим к изучению архивов. А сегодня... — Он бросает взгляд на темное небо за окном. — Сегодня вечером торжественный ужин. Через два часа. Вам надлежит быть готовой.

Он сухо кланяется и выходит, тихо прикрыв дверь. В комнате висит аромат нагретого камня и древесного угля.

Фуртива с ледяной улыбкой смеряет меня презрительным взглядом:

— Подруга детства, — фыркает она.

— Довольно, — отрезаю я, чувствуя усталую злость. — Если хочешь, чтобы тебя не выгнали в первый же день, тебе придется отыгрывать роль служанки. По-настоящему.

— Отыгрывать? — она кривит губы. — То есть я должна взбивать тебе подушку и приносить тебе завтрак?

— И вешать платья так, чтобы они не мялись. И не примерять то, что тебе не принадлежит. Чтобы не привлекать лишнего внимания и чтобы Фламберг не задавал вопросов.

Фуртива отводит взгляд, понимая, что ей действительно придется вживаться в образ, если она не хочет провалить миссию.

— Как скажешь, хозяйка, — она презрительно морщит нос

Вскоре я нежусь в ванне. Горячая, ароматная вода обволакивает тело, смывая дорожную пыль, пот, страх и липкий налёт лжи. Тело наконец расслабляется. Первая роскошь за семь лет. Первое тепло, которое не приходится отвоевывать у вечно холодного Смаугберга.

Но внутри раздрай. Мысли мечутся, как перепуганные мыши: список из тридцати двух фамилий, мамино лицо, золотые глаза императрицы, чёрный взгляд Фламберга...

— Время вылезать и одеваться, хозяйка… — слышу голос Фуртивы, последнее слово как удар хлыста.

Она обтирает меня, глядя с нескрываемой ненавистью, накидывает халат.

Я, невольно краснея, надеваю шелковое белье и легкие, невесомые чулки. Заметив мое смущение, Фуртива злобно улыбается.

Выбираю платье глубокого синего цвета. Простой крой, высокий ворот, длинные рукава. Никаких излишеств. Идеально. Фуртива помогает мне одеться. Там, где ее пальцы коснулись кожи, еще долго покалывает, словно от соприкосновения с ледышками.

Фуртива усаживает меня перед трюмо, быстро и жёстко заплетает мои волосы в тугую косу, укладывает её на затылке. Ни одной выбившейся пряди. Образ дополняют серебряные серьги и подвеска, которые нашлись в шкатулке на моем туалетном столике.

Я поднимаюсь, поправляю складки. Платье сидит безупречно.

Со спины подходит Фуртива. С нескрываемой усмешкой в голосе цедит:

— Ну иди, хозяйка. Его драконье сиятельство, наверное, уже ждёт… Тебе же не надо напоминать, чтобы ты особо не болтала языком?

Я не отвечаю. Направляюсь к двери. На пороге оборачиваюсь и застаю Фуртиву у моего туалетного столика. Она копается в шкатулке с украшениями.

Наши взгляды встречаются в зеркале. В её глазах ни стыда, ни вызова — лишь холодное спокойствие и уверенность в безнаказанности. Я снова не хочу тратить на нее слова, поэтому разворачиваюсь и молча покидаю свои покои.

Фламберг ждет меня в коридоре, прислонившись к стене. В тёмном, идеально сидящем камзоле. Я вообще сначала принимаю его за тень, пока он, увидев меня, не отталкивается от стены.

Его взгляд оценивающе скользит по мне, и на миг в глубине чёрных глаз вспыхивает что-то, от чего мое сердце делает лишний удар. Он кивает и с поклоном произносит:

— Идемте.

Мы быстро скользим по коридорам. И я ловлю себя на мысли, что мне нравится идти рядом с ним, ощущать рядом его плечо. Я цепляю краем глаза его профиль и отогреваюсь в исходящей от него спокойной уверенности.

И тут в сознание, как нож, вонзается мысль: никому нельзя доверять. Особенно ему. Он ведь из того самого узкого круга особо приближенных… Вот только какая-то часть меня отчаянно сопротивляется этому пониманию.

Мы останавливаемся перед поворотом. Из-за которого до меня доносится гул голосов. Наверное, там вход в зал для пиров.

Фламберг критически осматривает меня, наклоняется и двумя пальцами снимает ниточку с моего плеча, хотя я готова поспорить, что никакой ниточки там не было. Мимолетное касание через ткань обжигает, как уголек. По коже рассыпаются мурашки, дыхание перехватывает.

— Идеально, — рокочет Фламберг и подталкивает меня вперед.

Мы входим в пиршественный зал, и мир взрывается светом, звуком и цветом.

Огромный зал украшен золотом и мрамором. Длинный стол на сотню гостей ломится под тяжестью серебряных блюд, хрустальных графинов, экзотических фруктов и целых жареных туш. У дальней стены замечаю небольшую сцену. В огромных окнах от пола до потолка, за которыми уже чернеет ночь, отражаются огни люмосфер.

Зал полон людей. Они стоят группами, сверкая шелком, бархатом, драгоценностями. На груди у каждого — небольшой значок или медальон с изображением родового герба. На мундирах военных и сюртуках чиновников — целые созвездия орденов, звёзд, вышитых галунов, чётко указывающих на их ранг. Это живой, дышащий справочник по иерархии империи.

Ингрид и её свита стоят кучкой, хихикая. И на платьях нескольких фрейлин, включая саму Ингрид, алеют… искусно нашитые заплатки. Из алого бархата. И золотой парчи.

Внезапно все разговоры смолкают. В дальнем конце зала появляется императрица. Она проходит к возвышению во главе стола и садится. Её золотые глаза медленно обводят зал.

Все замирают в почтительных поклонах. Никто не садится. Взгляд Фероции останавливается на мне.

— Отлично. Все на месте, — ее глубокий голос окутывает всё помещение. — А теперь, леди Ариенна, ваша очередь. В соответствии с их статусом, заслугами и правилами этикета... рассадите гостей.

Мир сужается до точки. До этого стола, до этих сотни пар глаз, до списка из тридцати двух имён, который вдруг вспыхнул в памяти огненными буквами. Первое настоящее испытание началось. И провалить его я не имею права.

Глава 10

На зал обрушивается оглушительная тишина. Собравшиеся ошарашены не меньше моего. Сотни глаз впиваются в меня.

Я мимолетно скольжу взглядом по замершим гостям и останавливаюсь на Фламберге. Он спокоен, как море в штиль. Стоит в шаге от меня, спрятав руки за спину и немного наклонив голову.

Встретив мой взгляд, он коротко кивает, искорки в глазах вспыхивают золотом, а уголок губ приподнимается в полуулыбке. Он напоминает скалу во время бури, и его уверенное спокойствие передается мне.

Кровь, которая еще пару мгновений назад бешено стучала в висках, замедляется. Я выпрямляю спину и расправляю плечи. Снова обвожу гостей взглядом, на этот раз медленным, цепким.

Перед внутренним взором раскрывается книга, где у каждого герба, ордена, знака — свое место. Мне быстро становится понятно, кто есть кто.

В звенящей тишине я медленно иду к месту во главе стола. Мои каблуки словно тиканье часов, которые отмеряют для кого-то последние секунды до взлета или краха. Острые взгляды больше не цепляют, они стекают с меня, как грязь с мраморной статуи.

Останавливаюсь у стула справа от императрицы.

— Лорд Гарленд, — обращаюсь я к пожилому мужчине с суровым лицом и скромным, но безупречным гербом — серебряный вепрь на чёрном. — Ваше место здесь.

Старый воин чуть кивает, его глаза светятся одобрением. Он без слов занимает стул. Я не смотрю на Фероцию, но ощущаю ее теплый взгляд. Фламберг в противоположном конце зала приподнимает бровь, будто чего-то ждет.

— Герб честный, заслуженный, — поясняю свой выбор окружающим. — Род отмечен воинской славой и возвеличен за преданность.

— А вот вас… — я подхожу к упитанному вельможе с пышным, кричаще-золотым гербом, на котором изображена красная горизонтальная красная полоска, которая называется пояс. А под ней серебряное копье, направленное вниз.

Я прекрасно помню этого человека и то, как он кричал на моего отца, когда тот тянул с регистрацией этого нелепого герба.

— Прошу занять место там, — я взмахиваю рукой и показываю в конец стола.

Гость надувается, словно лягушка, и краснеет.

— По какому праву? — начинает, задыхаясь, он. — Мой род…

— Ваш род получил герб при Ауроне Втором. На это указывает явная ошибка, — делаю паузу, затем продолжаю: — Золото и серебро. Они не должны сочетаться. Так что… Такого герба не может существовать. Следовательно, и места близ трона он не даёт.

— Да я… да подвиги… — не унимается вельможа.

— Остроумие, на которое указывает символ копья, не является подвигом, — отрезаю я. — Тем более расположенное… ниже пояса.

По залу проносится сдержанный гул, звучат смешки, кто-то фыркает. Лже-вельможа что-то пытается возразить, но я уже отворачиваюсь.

Я упираюсь взглядом в молодую женщину с надменным лицом. Она вроде и одета богато, и прическа у нее модная. Но смотрится все равно как гусь в лебединой стае. Её герб — единорог, увенчанный короной. Понизу вьется лента с девизом.

— Ваше место — рядом с тем господином в конце стола.

— Что?! — словно мелкая собачонка, взвизгивает она. — Я потомок…

Я не моргая смотрю в её расширенные от гнева глаза.

— Корона положена лишь древним королевским фамилиям, а у них на гербах только драконы, ни одного единорога. К тому же ваш девиз на стародраконьем содержит ошибку. Видимо, хотели записать “Farratis n faluti”, то есть “Сказочно сильный”, но получилось: „Farratis n faluci“ — „Сильный во лжи“.

Снова слышатся сдержанные смешки. Девушка стискивает зубы, разворачивается и, по-солдатски чеканя шаг, идет к указанному месту.

Так продолжается около получаса. Довольно быстро обладатели незаслуженных гербов понимают, что им выгоднее со мной молча согласиться. Никому не хочется, чтобы я во всеуслышание препарировала символы их рода.

Настоящие дворяне, учёные, честные военные — встречают мои указания почти незаметными кивками. Их сажаю ближе к Фероции.

Краем глаза слежу за реакцией Фероции и Фламберга. Императрица сидит неподвижно, словно статуя из золота. Лишь глаза, вспыхивающие торжественным пламенем, выдают в ней живое существо.

А вот черный взгляд Фламберга следует за мной, как тень. Он стоит в конце зала, опираясь на колонну. Внешне расслабленный с фирменной полуулыбкой, но чем-то напоминает тигра в засаде.

Под конец рассадки в зале воздух словно выжженный, как после пожара. Взгляды сидящих вдалеке придворных сверкают злобными угольками.

Поворачиваюсь к Фероции и приседаю в реверансе. Она медленно поднимает руку:

— Благодарю вас, леди Ариенна.

Я выпрямляюсь и ищу глазами свое место. В этот момент на мою спину мягко ложится рука. Меня опаляет, словно огнем. От неожиданности вздрагиваю и смотрю на подошедшего. Встречаюсь с бездонными черными глазами Фламберга.

Он увлекает меня к двум свободным стульям недалеко от императрицы.

— Позвольте, я провожу вас, Ариенна, — произносит тихо, обжигая жарким дыханием мне щеку.

Фламберг подводит меня к стулу, я скольжу на него, чувствуя, как ноги вот-вот подкосятся. Лорд дракон садится рядом. Его рука на миг касается под столом моей — быстро, обжигающе, будто случайно.

Пир начинается.

Слуги снуют с блюдами. Горячительные напитки приглушают обиду пересаженных в конец стола придворных. Разговоры потихоньку оживляются. Раздается смех.

Я ковыряюсь вилкой в каком-то блюде, от которого исходит чарующий аромат, но аппетита нет. Бокал передо мной не тронут.

— Третий справа от Ее Величества, — очень тихо, так, что слышу лишь я, произносит Фламберг, — министр финансов Грейсон Трежо.

Я кидаю взгляд на худого старика с рогом изобрлия на гербе. Фламберг продолжает тихо меня просвещать, показывает на министра военного дела Шакера Рёка — довольно молодого по драконьим меркам блондина с щитом и мечом на гербе.

— Министр юстиции Крамер Претор, — шепчет Фламберг, и я смотрю на улыбчивого толстяка, у которого на гербе изображены весы. — С ним надо держать ухо востро.

За короткое время Фламберг объясняет мне, кто есть кто, и предупреждает, кого и почему стоит опасаться.

Вдруг Ее Величество поднимает бокал. Тишина воцаряется мгновенно.

— Друзья, — её голос, тёплый и властный, заполняет зал. — Скоро нас ждет грандиозное событие — большой рыцарский турнир. И провести его по всем правилам поможет потомок славного рода — леди Ариенна Миранталь.

На меня обрушиваются сотни взглядов. Злые, довольные и просто любопытные. Я пытаюсь сохранять невозмутимость, но щёки горят.

И тут я ловлю взгляд того верзилы, который был с Ингрид в парке. Он сидит далеко, но мне от его липкого, сального взгляда становится неуютно, будто он кладет руку мне на талию.

На сцену поднимаются шуты в пёстрых, нелепых костюмах, в колпаках с бубенцами. Вижу знакомое лицо Беатриче, она смотрит на меня и… подмигивает. Затем улыбается седому карлику с дудочкой, видимо, ее отцу. Третий шут, горбун с веселой улыбкой, принимается бить в бубен.

Беатриче спускается со сцены, танцуя идет вдоль стола и заводит дурацкую песенку. Стоит прозвучать первым словам, как я ощущаю, будто у меня из легких выбили весь воздух.

Глава 11

Беатриче танцует вдоль стола, бубенчики не ее берете звенят весело и дерзко, а тоненький голосок режет тишину, как лезвие:

— Средь бабочек переполох,
Всё причитают:“Ах!” да “Ох!”
Боятся, будто съест под ноль
Их крылья маленькая моль…

По залу пробегает сдержанный смешок. Острые, липкие, едкие, сочувственные взгляды — впиваются в меня сотней игл. Жар снова обдает лицо.

Но Беатриче кружится дальше, направляясь к дальнему концу, где сидит Ингрид, и в её голосе появляются ядовитые нотки:

— Но страх туманит ум пустой,
Не видят истины простой:
К ним прилетел на огонёк
Не моль, а редкий мотылёк!

Она замолкает, и на зал падает густая, почти осязаемая тишина. А потом — взрыв.

Сначала — оглушительный хохот от компании старых военных и седовласых чиновников. Затем смех подхватывают придворные и даже слуги.

Ингрид бледнеет. Ее лицо перекашивается. Сидящий рядом с ней верзила перестает жевать, озирается, а потом скользит по мне новым липким взглядом.

Императрица Фероция подносит бокал к губам, пряча тонкую улыбку.

От подобного внимания неуютно. Я стараюсь сидеть с невозмутимым видом и даже кладу в рот кусочек нежнейшего мяса в соусе. Но под столом незаметно для остальных стискиваю салфетку до боли в пальцах.

И вдруг мне на запястье под столом ложится тёплая и твёрдая рука. Фламберг. Его прикосновение прожигает кожу. Он не смотрит на меня, его взгляд обращён к сцене, но его тихий густой голос прорывается сквозь гул в ушах:

— Кажется, у вас может появиться личный герб, леди Ариенна. С мотыльком в золотом сиянии.

Я выдёргиваю руку, будто обжигаюсь.

— Мотылёк не является геральдической фигурой, лорд Фламберг. Это нарушение всех канонов, — выдавливаю я, стараясь, чтобы голос звучал сухо и профессионально. Внутри всё дрожит. — И я не просила, чтобы меня высмеивали.

— Высмеивали? — он оборачивается ко мне, и в его глазах играют веселые золотые искорки. — Мне кажется, это была скорее… канонизация. Правда, несколько экстравагантным способом. Беатриче и её отец — большие мастера донести мысль императрицы так, чтобы её услышали даже самые тугие уши.

Пир продолжается. Музыка играет, шуты веселят публику. Я сижу, пытаясь проглотить ком в горле, и пытаюсь есть изысканное блюдо, вкуса которого не чувствую.

Вскоре Фламберг поднимается и невесомо касается моего плеча, вызывая этим безобидным жестом дрожь во всем теле.

— Мне надо обсудить кое-какие вопросы с Ее Величеством, — склоняясь ко мне, тихо бросает он. — Я скоро вернусь.

Когда слуги вносят десерт, гости переключаются на него. Идеальный момент. Мне невыносимо находиться в этом зале. Поэтому я тихо отодвигаю стул и, стараясь не привлекать внимания, выскальзываю через боковую дверь в парк.

Ночной воздух ударяет в лицо — тёплый, влажный, густой от аромата цветов и зелени. Я отхожу подальше и оказываюсь на скрытой террасе с мраморными перилами. Делаю несколько жадных глотков воздуха, опираюсь о прохладный камень. Тишина. Только отголоски веселья вдали.

И вдруг тяжёлые, неуклюжие шаги за спиной.

Я оборачиваюсь. В нос бьют запах вина и пота. В темноте с трудом различаю очертания гостя. Невысокий, но массивный. Скупой свет от убывающей луны падает на его значок и выхватывает желтую головку сыра на горностаевом меху. Это господин Крудон, которого я посадила в конец стола. Он стоит, блокируя путь и сжимая кулачищи.

— Леди Ариенна… — сипит он и пошатываясь делает шаг ко мне. — Как… неожиданно. Одна и в такой дали от охраны.

Я инстинктивно делаю шаг назад и прижимаюсь спиной к перилам.

— Вы сегодня обидели много достойных людей, — шипит Крудон и подходит почти вплотную.

— Я всего лишь выполняла приказ Ее Величества, — отрезаю я и дергаюсь вправо, чтобы обойти Крудона, но он резко роняет руку на перила прямо передо мной, преграждая путь. Я замираю.

— Э нет, леди… Не так быстро, — угрожающе выдыхает мне в лицо Крудон. — Сначала мы потолкуем. О моем гербе и его истинном величии…

— Извините, но я не настроена проводить консультацию сейчас, — невинным голосом тяну я, а сама подбираюсь, как кошка перед прыжком.

Крудон злобно смеется, как смеются обреченные на казнь. А потом шипит:

— Видите ли… Это я буду проводить вам консультацию. После которой вы раз и навсегда усвоите, где я должен сидеть и..

Я не дожидаюсь, пока он договорит. Резко приседаю и проскальзываю у него под рукой. Бросаюсь в сторону, откуда доносятся звуки музыки и веселья. Но Крудон неожиданно проворно впивается мне в руку своей лапищей. Рывок, и я падаю назад. Крудон выпускает мое запястье, и я неудачно сажусь прямо на парковую дорожку.

Тут же группируюсь, подтягиваю ноги к груди, наклоняю голову и закрываю ее руками. Смаугберг научил защищать во время уличной драки лицо и живот. Задерживаю дыхание. Сердце колотится в горле. Сжимаюсь, ожидая удара.

Но вместо этого слышу короткий утробный рык, от которого волосы на затылке шевелятся. Кожу опаляет жаром.

Три размеренных уверенных шага. Кто-то замирает рядом и стоит, нависая надо мной.

Носа касается аромат угля и нагретого камня.

Глава 12

Я убираю руки и распахиваю глаза. Запрокидываю голову и гляжу на подошедшего. Это Фламберг. Глаза пылают, как костер. Лицо же словно из камня — холодное и суровое.

Он не двигается. Смотрит на меня сверху вниз, заложив руки за спину.

— Весьма… опрометчивый поступок, — глухо произносит он, продолжая прожигать меня взглядом. — Я ожидал от вас… несколько большей сообразительности.

Лицо, шея и даже уши у меня мгновенно вспыхивают. Я опускаю взгляд и замечаю на дорожке за спиной Фламберга кучку золы, по которой ползают красные искорки.

Спазм сжимает горло.

— Это… это?.. — выдавливаю я осипшим голосом не в силах произнести вопрос целиком и поднимаю взгляд на начальника.

Фламберг тем не менее понимает.

— Крудон, — медленно кивает он, полыхнув глазами, в голосе металл. — И если бы вам не вздумалось шататься в одиночестве по темноте, мне бы не пришлось вас спасать и доводить до… такого.

Внутренности скручиваются узлом. К горлу подступает тошнота. И я поспешно закрываю рот рукой. Зажмуриваюсь и начинаю глубоко дышать. Отогнав муть, я открываю глаза и вновь смотрю на Фламберга. Пламя в глазах угасло, теперь там только золотые искры.

— Давайте помогу, Ариенна, — произносит он тихо и не дожидаясь ответа протягивает руку, помогает мне подняться.

И снова его касание запускает волну мурашек по коже и где-то под ней, заставляя сердце биться чаще.

Взгляд снова падает на то, что осталось от Крудона. То ли от переживаний, то ли от прохладного воздуха, но меня начинает трясти и слегка ведёт.

Я не успеваю сообразить, что происходит, а Фламберг подхватывает меня под колени и спину. Держит на руках прижимая к себе. Чувствую его дыхание на лице. Будто он глубоко втягивает носом воздух рядом с моими волосами.

— Думаю, для первого дня достаточно впечатлений, — мягко произносит он. — Вам нужно отдохнуть, чтобы завтра со свежей головой приступить к работе.

Фламберг разворачивается и несёт меня по темным дорожкам и аллеям. Двигается плавно, бесшумно, будто я ничего не вешу.

Лёгкий ветер шевелит мои волосы, ткань платья приглушённо шуршит. От такой близости лорда дракона где-то глубоко внутри меня рождается трепет, горячий, как щекотка. Дыхание поверхностное, рваное.

— К-куда мы? — испуганно спрашиваю я, заметив, что мы направляемся совсем не туда, откуда пришли. Ярко освещенный дворец мелькает вдалеке за деревьями.

Мысль о том, что мое долгое отсутствие может вызвать в Фуртиве подозрение, вонзается ледяным клинком в сердце. Осознание, что вернуться туда, к ней, под ее коварный ледяной взгляд, все же необходимо, разъедает душу ядовитым бессилием.

— В обход, — коротко бросает Фламберг. — К тому же, увидев вас у меня на руках, ваши недруги радостно растрезвонят, что вы напились до потери пульса.

— Тогда поставьте меня на ноги, — отрывисто говорю я.

— И не подумаю, — отрезает Фламберг, но в голосе снова ироничные нотки. — А то вы сбежите и попадете ещё в какую-нибудь передрягу. А я зарёкся сжигать больше одного человека после ужина. Так что не дергайтесь.

На этих словах он прижимает меня крепче, и мне остаётся лишь послушно прильнуть к нему. Прижимаюсь к его груди боком и щекой и ощущаю через камзол учащенный стук его сердца. Он совпадает с ритмом моего.

Фламберг действительно несёт меня в обход. Наконец он останавливается у неприметной дверцы, наверное, входа для слуг. Бережно ставит меня на ноги, берет за руку и проводит за собой.

Мы оказываемся в темном длинном зале. Тусклый лунный свет падает через незашторенные окна, идущие по одной стене. Различаю на противоположной портреты и оружие.

— Это тренировочный зал, — тихо поясняет Фламберг. — Пойдёмте, я вас выведу… Давайте не будем шуметь. Лишние слухи вам ни к чему.

Ну да. Если меня застукают с моим начальником в уединенной темной комнате, после того как мы оба сбежали с банкета, то доверие ко мне как к специалисту сразу рухнет. А у злопыхателей появится повод для грязных сплетен.

Но мы не успеваем. Фламберг замирает, словно прислушиваясь, затем мягко, но решительно влечет меня к незашторенным окнам и подталкивает за тяжёлую портьеру. Ставит у стены.

— Ведите себя тихо, — бросает напоследок.

Меня скрывает штора. В пустом зале звуки разносят отчётливо. Я не вижу ничего, но прекрасно все слышу.

Щелчок пальцами, и по краю портьеры пролегает светлая граница. Фламберг активировал люмосферы.

Звон металла, шорох шагов, как при танце, затем свист разрезанного воздуха — Фламберг, видимо, достал меч или саблю и отрабатывает удары.

В этот момент от входа раздаётся цокот каблуков.

— Ах, вот вы где… — пронзительный голос Ингрид делается обволакивающим и мурлыкающим. — А я как раз вас ищу…

— Здравствуйте, леди Ингрид, — спокойно отвечает Фламберг.

— Я… — фрейлина мнется, — хотела поговорить по поводу вашей новой ассистентки.

— И о чем же? — опасно-ласково спрашивает Фламберг.

Ингрид какое-то время молчит.

— Мне кажется, — наконец решается она, — что леди Ариенне не стоит доверять. Думаю, она… шпионка!

Наступает опасная тишина. У меня перехватывает дыхание. Она… что-то знает? Если так, то я обречена. А со мной — и мои родные.

Фламберг, как назло, не спешит отвечать. И я в мучительном напряжении жду, что же он скажет.

Глава 13

Молчание Фламберга и тяжелое, видимо, в попытке придать томности, дыхание Ингрид давят. Я превращаюсь в пружину, которая вот-вот выстрелит от волнения. Но нельзя выдать своего присутствия…

Я должна бы думать, как отбиваться от обвинений фрейлины, как выскользнуть из затягивающийся вокруг шеи петли. Но вместо этого мой мозг рисует себе картинки того, как Ингрид стоит рядом с Фламбергом, в шаге от него, может, он даже доверительно положил ей руку на плечо? Может, наклоняется к ней так же, как ко мне, когда горячо шептал на ухо жизненно важную информацию?

Почему-то от воображаемой картинки больно, как от реального удара в спину.

— И что же привело вас к таким выводам? — равнодушный голос Фламберга разбивает и тишину, и картинку в моей голове.

— Ну… — томно тянет Ингрид. — Она покинула ужин в самом разгаре, сбежала. Ее нет в зале для пиров.

— Меня там тоже нет, — с усмешкой в голосе, за которой тем не менее угадывается ледяной тон, парирует Фламберг. — Это повод заподозрить меня в том, что я шпион?

— О нет-нет, — испуганно и часто дыша бормочет Ингрид, — вы вне подозрений. Но ведь она новичок при дворе. Что вы о ней знаете? Вдруг она затаила злобу на семью императора после того, как ее отца выгнали…

Под конец фрейлина совсем тушуется. Меня так и подмывает выглянуть из-за шторы и просмотреть, это по-настоящему или она изображает.

— Вы правы, Ингрид, — огорошивает меня голос Фламберга. Он делает паузу, в течение которой я успеваю покрыться холодным потом, а затем продолжает с затаенной насмешкой: — Я вне подозрений. Но вот что насчёт вас? Вы же тоже, получается, сейчас не в зале для пиров. Тоже сбежали…

— Так… допросите меня, господин Фламберг, — хриплым голосом шепчет Ингрид. — Можете даже обыскать!

Я в своем укрытии стою, сжав кулаки от невесть откуда взявшегося бешенства. Мало того, что эта особа обвиняет меня в шпионаже, она ещё и… так нагло предлагает себя моему… моему начальнику!

Мне кажется, ещё немного, и у меня из ушей повалит пар от злости. Возможно, я даже скриплю зубами.

— О, леди Ингрид, — громче необходимого произносит Фламберг, видимо, чтобы скрыть мое пыхтение и скрежет зубовный. — Я уступлю эту честь Фортунато!

— Что? — возмущённо взвизгивает фрейлина.

— Каковы доказательства — таков и дознаватель, — мягко произносит Фламберг.

— Ах вы… Вы… Вы… — шипит Ингрид. Но через мгновение голос у нее уже снова сладкий, как патока: — Зря вы так, господин Фламберг. Я же к вам со всей душой, хотела помочь.

Затем слышен острый цокот каблуков по паркету и хлопок двери. Потом — едва слышные шаги Фламберга. Звон убираемого в ножны оружия.

Через мгновение штора отдергивается, и я вижу своего начальника. Одной рукой он держит гардину, другой опирается на стену рядом с моей головой. Меня сразу обволакивает его горячим запахом и припечатывает к стене теплом от его тела.

— Угроза устранена, леди Ариенна, — бархатно произносит Фламберг, — вы можете покинуть укрытие.

Вот только сказав это, он не отходит, а продолжает нависать надо мной, скользя взглядом по моему лицу, шее, плечам, по сжатым кулакам. А в черных, как беззвездная ночь, глазах не насмешка, а что-то мне незнакомое, опасное. Это нечто заставляет жар тлеть внизу живота и выжигает воздух в лёгких, дыхание рвется.

Это непонятное чувство пугает. Я невольно вжимаюсь в стену. Ощущаю себя загнанным в западню зверьком. Сердце колотится, будто я пробежала по морозу из одного конца Смаугберга в другой.

— Пойдёмте, леди Ариенна, — глухо произносит Фламберг и отстраняется, — пока остальные желающие поиграть в охотников на шпионов не прибежали.

Я отлепляюсь от стены и на непослушных дрожащих ногах скольжу мимо него. Фламберг следует за мной. Я машинально окидываю взглядом зал. При ярком свете он теряет таинственность, превращаясь в типичное помещение для тренировок. Недалеко от выхода Фламберг щелкает пальцами, и люмосферы гаснут, снова погружая комнату во тьму.

Мой спутник ловко оказывается впереди, открывая передо мной дверь. За ней коридор. Тут все стандартно: одна стена украшена картинами, гобеленами и росписями, которые освещаются тусклым светом из расположенных напротив высоких окон. На полу ковровая дорожка, приглашающая шаги.

Мозг уже сопоставил все, увиденное за день, и даже нарисовал примерную карту дворца. Поэтому я представляю, в каком крыле и на каком этаже моя комната.

И мне туда совсем не хочется. Там Фуртива, которая, кажется, травит воздух одним своим дыханием. Хочется идти рядом с Фламбергом по темным пустым коридорам. Хочется ощущать тепло его тела рядом, чувствовать его незримую поддержку и невольно вздрагивать от его прикосновений, когда он помогает мне подняться по лестнице или обойти торчащие у стены доспехи и прочие экспонаты.

Несколько раз, издали почуяв приближение нежеланных зрителей, Фламберг мягко увлекает меня в известные лишь давним обитателям дворца ниши и скрытые от посторонних глаз закутки.

И эти секунды тишины, когда мы напряжённые, часто и глубоко дыша замираем рядом в полной темноте, в молчании, похожи на запретное лакомство. Они сладкие, горячие и волнующие, с налетом тайны и опасности.

Тем не менее мысленная карта показывает, что я с каждой секундой ближе к Фуртиве. Шаги сами собой замедляются. И по своему крылу я тащусь со скоростью улитки. Страх снова остаться один на один с моей надзирательницы вытравливает все остальное, что теплилась в груди этим вечером.

Наконец мы собираемся до моих покоев. Перед самой дверью Фламберг вдруг наклоняется к самому моему уху, вытягивает носом воздух так, будто пытается вдохнуть меня всю, и горячим шепотом, который скатывается по спине и заставляет вздрагивать, спрашивает:

— Чего вы так боитесь, леди Арианна?

Глава 14.

Одно мгновение. Ровно одно мгновение я готова все ему рассказать. Слова жгут горло и распирают грудь. Но в мозгу мелькает картинка: Фуртива внутри комнаты прильнула к двери ухом. И тут же ледяная рука стискивает горло. Какую ужасную глупость я только что едва не совершила!

Поэтому я просто отвечаю:

— Подвести своих родных.

Внезапно дверь моих покоев распахивается, едва не задев меня. С треском бьет о стену. В проеме возникает Фуртива. Глаза сощурены, нос похож на клюв хищной птицы, губы сжаты в тонкую полоску. Но при виде Фламберга она молниеносно преображается.

— Госпожа Ариенна, — моя "служанка" присаживается в нарочито почтительном поклоне и стреляет в меня предупреждающим взглядом. — А я уже начала беспокоиться! Вас завтра ждет ответственная миссия…

Мне делается дурно от того, какой смысл она прячет за этой формулировкой. А Фуртива продолжает:

— Вам не помешало бы выспаться.

Сказав это, моя надзирательница выпрямляется и выжидательно смотрит на Фламберга, слегка приподняв брови. После недавней взбучки, видимо, решила быть при нем паинькой.

Фламберг слегка склоняет голову набок, губы трогает усмешка.

— Действительно, леди Ариенна. Не смею вас задерживать. Хорошего вечера. Встретимся завтра в геральдическом архиве — он кланяется, обжигает меня вспыхнувшим золотыми искрами взглядом, разворачивается и медленно удаляется прочь.

С ним уходит моя надежда. В груди щемит от безысходности. В животе ледяная пустота.

— Леди хозяйка, ты заходить собираешься? — шипит Фуртива, постукивая коготками по дверному косяку.

Когда за мной закрывается дверь, она сообщает:

— Завтра ты должна обнаружить два забытых герба и в числе прочих внести их в родовые книги. Изобразить на них можно что угодно, лишь бы они выглядели достоверными.

Я ничего не отвечаю. Молча позволяю ей помочь мне подготовиться ко сну. Решение, как быть, приходит само собой.

Просыпаюсь рано, за окном ещё только светает. В отражении вижу бледную, с залегшими под глазами тенями девушку. Завтрак, принесённый прислугой, остается нетронутым. Сонная Фуртива ворчит, когда помогает мне облачиться в форменное платье. Критически оглядывает меня перед выходом.

— Выше нос, хозяйка, — криво ухмыляется напоследок. — А то словно на похороны идешь, а не на любимую работу к горя-я-ячему начальнику…

Она тянет последние слова, словно карамельную конфету.

— Смотри не обожгись, — холодно бросаю ей я.

Фуртива фыркает и закатывает глаза, но все же отходит, пропуская меня к двери. Я выхожу в коридор, и в голове расстилается план замка. Память из детства безошибочно ведёт меня в гербовый архив.

Он находится в архивной башне. Добираюсь без приключений, заметив по пути лишь прислугу и стражу. Видимо, придворные ещё спят.

Меня встречает тяжёлая массивная дверь с магическим замком, настроенным на касание. Интересно, он помнит меня? Дотрагиваюсь рукой до испещренной драконьими рунами ручки.

Ничего не происходит. Металл холодный, словно камень из горного ручья.

И вдруг в местах, где руны касаются моей кожи, я ощущаю разгорающейся тепло. Оно нарастает, крепнет. Словно меня узнали и улыбнулись. Затем слышится щелчок, и дверь открывается.

Я прохожу на первый ярус. И сразу ощущаю неладное. Температура! Старым книгам нужен холод, а тут почти как в моей комнате. А ещё воздух тяжёлый и влажный. Будто после летнего дождя. Это совсем никуда не годится!

Тот, кто копался в настройках микроклимата, знал, как наверняка навредить книгам.

Я иду к стене над рабочим столом. Вижу на высоте двух человеческих ростов выделанную в стену заглушку, за ней и должен прятаться магический регулятор.

Вот только лестницы, чтобы к нему добраться, нигде нет. А со стола я не достану, даже если поставлю стул…

Впрочем, там, где мало одного стула, пригодится второй.

Вскоре я с опаской смотрю на шаткую башню из стульев. Она вызывает определенные сомнения, но иного пути у меня нет. Такой микроклимат губителен для манускриптов и рукописей, нужно срочно его менять, иначе ничего не удастся спасти.

Выдыхаю, собираюсь с силами и начинаю карабкаться к регулятору. Наконец я замираю напротив его дверцы и осторожно, рассчитывая до миллиметра каждое движение, открываю магический прибор. Так и есть, все настройки сбиты. Я быстро ставлю необходимые и так же осторожно закрываю дверцу.

А потом смотрю вниз. Картинка перед глазами двоится и ходит ходуном. Я судорожно втягиваю воздух носом. И тут вся конструкция подо мной со страшным грохотом обрушивается. Я зажмурившись лечу вниз, ожидая болезненного удара о край стола или ножки стульев.

Но удара все нет и нет. Только легкое покачивание. Я открываю глаза и понимаю, что вишу в воздухе, подо мной груда мебели. А в шаге от нее стоит Фламберг с поднятой рукой. И взгляд у него такой… будто он хочет отшлепать меня, словно нерадивого ребенка.

Мне делается одновременно жутко стыдно и страшно, до трепета в груди, до дрожи.

Фламберг опускает руку, и я начинаю медленно опускаться на пол. Скольжу, словно на невидимой горке, над хищно торчащими ножками стульев. Останавливаюсь лишь, когда сижу на краю стола, свесив ноги и опираясь руками о столешницу за спиной.

Фламберг резко подходит ко мне. Так близко, что я попадаю в ауру его тепла и аромата. Ещё немного, и он коснется моих коленей бедрами. От осознания этого, меня прошивает волнение, а дыхание сбивается.

Начальник нависает надо мной. Во взгляде гнев перемешан с беспокойством. И с чем-то ещё — темным, горячим, похожим на голод.

— Потрудитесь объяснить, леди Ариенна, — тихо рычит он, — чего ради вы только что едва не свернули себе шею?!

Глава 15.

Я нахожу в себе силы выдержать его взгляд.

— Я делала свою работу, господин Фламберг, — произношу хрипло, сражаясь с собственным дыханием.

— Не припомню в перечне ваших обязанностей пункт “Свернуть шею” или “Разбиться в первый же день работы”, — Фламберг иронично приподнимает бровь, но на его лице нет и тени улыбки.

В груди вспыхивая шипастая искорка злости. Потому что мне больно за книги. И потому что я не считаю себя виноватой. Я делала то, что должна была.

— Моя работа — защищать архив, — возражаю я. — Этим я и занималась. Правда, я ещё не успела оценить, осталось ли, что защищать! Воздух влажный и теплый, будто мы на болоте. Не удивлюсь, если страницы разбухли, скрутились, а между ними завелись жучки.

Фламберг слегка наклоняет голову, но взгляд не отводит. Я упрямо сжимаю челюсти и продолжаю смотреть ему в глаза. Напряжение в помещении растет, как перед грозой. Наконец, мой начальник хмыкает.

— В следующий раз, когда надо будет куда-то залезть, дождитесь меня. Поберегите свою хорошенькую умную голову. — Он отходит, освобождая мне дорогу. — То же касается и необходимости таскать стопки книг или тяжеленные фолианты.

Краска и жар заливают мои лицо и шею, уши горят. Я профессионал, а он говорит обо мне, как о простой девушке.

Я спрыгиваю со стола и прохожу мимо Фламберга, который стоит скрестив руки на груди и выжидает. Говорите, таскать фолианты, господин начальник?

Быстро прохожусь по архиву, просматриваю полки. Книги сгружены абы-как, беспорядочно, некоторые лежат на полу, какие-то забыты на столах, и их покрывают кучи бумаг.

Я пытаюсь составить в мыслях каталог и понять, что и куда надо перенести. Фламберг следует за мной тенью. Двигается неслышно, словно тигр на охоте… Я даже ненадолго забываю о нем, пока, резко обернувшись, вдруг не наталкиваюсь на него.

От неожиданности спотыкаюсь, но он ловит меня и бережно ставит на ноги. Так быстро, что я не сразу понимаю, что случилось. И без единого слова. Лишь мимолётная золотая вспышка в черных глазах.

Во мне закипает досада на себя и свою неловкость. Не глядя на начальника прохожу в центр помещения. Я профессионал. Я тут, чтобы спасти архив и… свою семью. А мне нельзя отвлекаться на чьи-то там глаза!

— Итак, господин Фламберг, для начала надо навести порядок. Возьмите вон ту стопку и перенесите туда…

Он безропотно выполняет мои указания. Что-то носит сам, часть книг перетекают по воздуху в новое место дислокации благодаря его магии. Я стою по центру и машу руками, как дирижер.

Фламберг, как и обещал, не мешает, не переспрашивает, просто методично выполняет то, о чем я прошу.

Меньше чем за час мы организуем пространство совершенно по-новому. И теперь наглядно видно, что утрачено, а что на месте.

— Теперь этот стол перенесите туда, а те поставьте в ряд там. И закажите люмосферы с несколькими режимами освещения, — продолжаю командовать я.

Пока Фламберг в одиночку транспортирует здоровенный стол, я с замиранием смотрю за ним. Ни тени недовольства на красивом мужественном лице. Только сосредоточенность.

Он ставит стол в указанное место и поворачивается ко мне. Свеженький, лоб сухой, даже дыхания не сбил. Я одергиваю себя. Работа! Семья! Не отвлекаться!

Окидываю критическим взглядом помещение. И мне нравится результат. Тут теперь порядок. Думаю, сегодня помощь мне больше не понадобится. Но я не успеваю это сказать.

Фламберг подходит ко мне, становится рядом.

— Последние штрихи, — роняет он и начинает собирать между ладоней световой шар, крутит его, наращивая, словно снежный ком. А затем выпускает к потолку готовую люмосферу.

Я завороженно смотрю, как она поднимается вверх, а Фламберг тем временем формирует ещё несколько сияющих шаров.

Вскоре освещение в архиве становится идеальным. Мой начальник стоит рядом, окутывая меня теплом и запахом нагретого камня, и настраивает люмосферы на меня. От его близости вся моя решительность думать только о работе идёт прахом.

Я словно замороженная, боюсь сказать не то, посмотреть не так и сделать шаг не туда. Держу руки при себе, чтобы случайно не коснуться начальника. Что со мной происходит?

— Вот так гораздо лучше, — заключает Фламберг, осматривая архив. — Что теперь, леди Ариенна?

— Теперь я буду восстанавливать по памяти книги родов, сверяясь с другими записями, — отвечаю я. — Ваша помощь сегодня больше не понадобится.

— Вы уверены? — уточняет Фламберг. — Я могу носить книги, подать чернильницу, быстро писать под диктовку, в конце концов.

Все верно. С помощником, тем более с таким, мне было бы гораздо проще. Но чтобы начать воплощать в реальность план по спасению родных, мне нужно остаться одной. Только создаётся ощущение, что Фламберг не намерен уходить. И сейчас во мне это вызывает жгучую досаду. И ведь нельзя выпроваживать его слишком настойчиво, чтобы не выглядело подозрительно. Стоит придумать благовидный предлог.

— Спасибо, господин Фламберг, — улыбаюсь я. — Мне действительно надо побыть в полной тишине, так я смогу лучше сосредоточиться и вспомнить книги.

Начальник медленно кивает. Потом кладет руку мне на плечо и тихо произносит:

— Как скажете, леди Ариенна.

Затем не спеша ведет рукой к локтю, задержавшись на нем чуть дольше необходимого, убирает руку, разворачивается и идёт на выход.

— Если понадоблюсь, прикажите стражникам на входе найти меня, — бросает перед тем, как покинуть помещение.

Стоит ему выйти, я сразу направляюсь к рабочему столу, достаю заготовленные тетради, которые потом войдут в книгу, и начинаю их заполнять. На самом деле я давно все вспомнила и могу за месяц непрерывной работы восстановить все тексты. Но задача-то у меня иная…

Дойдя до середины первой тетради, я вставляю в нее вынутый из другой тетради разворот и незаметно закрепляю его двумя стежками красной нити. Хвостик не обрезаю, а оставляю его довольно длинным. Именно на этих страницах расположатся первые два фальшивых герба.

Их я тоже уже придумала. На первом, якобы для рода с восточных островов, на лазурном поле изображен боевой корабль с белыми парусами. Второй герб разбит на две вертикальные половинки. Справа на золоте изображен цветок лилии, слева на красном поле — сломанный цветок.

Я придумываю истории для этих родов. Любуюсь проделанной работой. Гербы выглядят достоверными, красивыми. Но я чувствую, будто руки у меня по локоть измазаны грязью. На душе тяжело, а во рту горечь. Весь запал на работу пропадает. Верчу в руках перо, собираясь с духом, чтобы продолжить.

Вдруг тишину архиву нарушает скрип двери и мягкие шаги. Испуганно оборачиваюсь и вижу Фламберга. Он подходит к столу, замечает тетрадь и вопросительно на меня смотрит. Я киваю, давая разрешение оценить мою работу.

Он лениво листает страницы, но на фальшивой вставке останавливается. Долго изучает придуманные мною гербы. Я застываю с колотящимся от ужаса сердцем. Меня мутит от страха. Неужели Фламберг что-то заподозрил?

Глава 16

Фламберг проводит пальцем по второму фальшивому гербу, аккурат посередине расколотого щита. Затем бросает на меня взгляд. Черный, глубокий, как сама тьма. Тяжелый, как ночное небо. В нем нет знакомых искорок.

— Интересно… — задумчиво тянет он.

Я стою, отгородившись столом и спрятав под него руки. Стараюсь выглядеть безмятежной. Встречаю подавляющий взгляд начальника спокойно. Вот только под столешницей ногти правой руки впиваются в ладонь левой. А в груди до звона натягиваются стальные нити.

Фламберг, кажется, видит меня насквозь. У меня ощущение, что он подцепил пальцем тревожную струну в моей душе и натягивает ее до предела. И ждет: лопнет или запоет?

Однако начальник лишь кивает.

— Продолжайте, — бросает он и не оборачиваясь выходит из архива.

Когда за ним закрывается дверь, я без сил валюсь на стул. Меня трясет, как после ледяной проруби.

Куда он направился? В тайную канцелярию? За стражей? Или сразу к императрице?

С полчаса проходит, прежде чем я могу соскрести себя со стула и продолжить работу над книгой.

В обед открывается дверь, и на пороге появляется Фуртива с подносом, на котором исходит аппетитными ароматами обед. Она проходит пару шагов и натыкается на невидимый барьер. Приборы звякают о края посуды, бульон выплескивается на поднос. Фуртива замирает, хмурится.

— Это что за шуточки, леди “хозяйка”? — резко произносит она.

— Это защита от чужаков, — подняв голову от тетради, отвечаю я.

— Так убери ее!

— Не могу. — Я отхожу от стола, подхожу к Фуртиве, беспрепятственно пересекаю барьер, забираю обед и несу его к окну, где специально отгорожено место для приема пищи. — Эту защиту ставит начальник архива. Меня пропускает, остальных нет.

— Ясно…— Покажи мне первые два герба, — требовательно произносит моя “служанка” и задирает подбородок. — Ты же уже их… вспомнила?

У меня в душе все клокочет от желания стукнуть ее по голове подносом. Но я лишь поджимаю губы и отправляюсь за тетрадью. Показываю Фуртиве с расстояния.

Она удовлетворенно кивает.

— Хорошо… Скопируй и отдай мне.

Наспех пообедав, я тщательно срисовываю гербы и переписываю придуманные истории. И Фуртива прячет сложенный в несколько раз лист с копиями и уходит.

Остаток дня проходит в работе. В архиве я сижу до полуночи. К этому времени заполняю первую тетрадь и принимаюсь за вторую. Фламберг больше не появляется. Но и стража за мной не приходит. Я немного расслабляюсь. Наверняка начальник просто пытался вспомнить незнакомые эмблемы, а я себя зря накручиваю.

В свои покои возвращаюсь в полудреме и падаю на кровать. Засыпаю сразу же и сплю без снов. Завтра тяжелый день. Утром работа, вечером — бал, который наверняка снова станет для меня испытанием.

Утром меня ждет подарок. В двери в архив обнаруживаю конверт. Внутри детский рисунок и вышитый платок.

На рисунке красками изображены мама, Клаус и Марго. Узнаю стиль своей сестренки. За наивными и, казалось бы, простыми неумелыми мазками скрывается бездна смыслов.

Мама усталая, с большими потемневшими глазами. Клаус заплаканный. Марго напуганная. Это просматривается в позах, в натянутых улыбках, в затравленных взглядах. В руках у мамы пяльцы, на ткани — один из придуманных мною вчера гербов.

К рисунку прилагается носовой платок с тем самым гербом. Искусно вышитым маминой рукой.

Мои родные живы.

Рисунок дрожит в руках. К горлу подступает удушающий ком. С глаз против воли срываются горячие соленые капли и падают на лист, на краске образуются светлые круги. Я поспешно вытираю лицо, откладываю рисунок и платок, накрываю их черновиками и принимаюсь за работу. Сегодня от меня ждут еще двух гербов.

Внутри муть и тошнотворная горечь. Только работа позволяет немного отвлечься от тревожных мыслей. Рисунок Марго лежит рядом.

Я погружаюсь в работу. Герб, описание, история рода. Отрисовываю, закрашиваю, пишу. Надо быть аккуратной, делать без ошибок. И так страницу за страницей.

Деликатное мужское покашливание совсем рядом вырывает меня из работы. Я вздрагиваю и едва не пририсовываю геральдической рыси длинный хвост. Испуганно оборачиваюсь и встречаюсь взглядом с темными бездонными глазами, в которых вьются золотистые искры.

Фламберг стоит над рисунком моей сестры. Я с досадой понимаю, что во время работы сама не заметила, как скинула с них черновики.

— Что это? — спрашивает начальник тихо, показывая на рисунок.

— Это моя сестра прислала письмо, — тихо отвечаю я, ощущая привкус металла во рту.

Фламберг берет рисунок в руки, всматривается, затем втягивает носом воздух. Кладет рисунок и берет платок. Всё повторяется.

Положив платок, мой начальник изучает меня пристальным взглядом, потом резко разворачивается и покидает помещение. Без единого слова. По-военному четко и стремительно. Я стою посреди архива в полном одиночестве, чувствуя, что все струны в моей душе натянуты до предела. По спине ползет ледяной холод.

До самого бала я Фламберга не вижу. Начало праздника он тоже пропускает. Поэтому с толпой гостей, которых надо правильно и в верной последовательности представить, я остаюсь один на один.

Народу тьма. Зал освещен ослепительно ярко. В глазах рябит от блеска и роскоши нарядов. В носу свербит от смеси ароматов.

Голоса, музыка, шепотки, шаги и скрип обуви на сияющем паркете сливаются в неразборчивый фон.

На мне голубое блестящее платье. Фуртива уложила мне замысловатую прическу. Со всех сторон сыплются комплименты. Спиной ощущаю думающие и липкие взгляды.

Тем не менее начало бала проходит отлично. Я справляюсь. Ещё одно успешно пройденное испытание за плечами. Я достойна стоять у трона Фероции. Четко понимаю, что это мое место.

И вдруг в толпе танцующих замечаю темную фигуру. Фламберг перерезает танцевальную залу. На нем темный камзол, в волосах серебрится иней.

Он неумолимо направляется прямо ко мне. Приближается. Замирает передо мной. Взгляд черный, прожигающий. Давит и вызывает трепет.

Фламберг кланяется и протягивает руку, приглашая на танец. Воздух густеет, разговоры становятся тише. Даже движения танцующих пар, кажется, замедляются.

Я застываю. Не спешу с ответом.

И все же решаюсь. Вкладываю ладонь в руку Фламберга. Его хватка крепкая, кожа горячая. Он ведет меня в самую гущу танцующих, поворачивает к себе лицом, кладет ладонь мне на талию. И мы начинаем кружиться среди других пар.

Фламберг прекрасный танцор, и это становится понятно с первых движений. Уверенный, надежный, он ведет меня так, что я не боюсь оступиться или сделать лишнее па.

И вдруг он наклоняется ко мне так, что я ощущаю ухом и шеей жар его кожи.

— Вы выглядите чудесно, леди Ариенна, — говорит Фламберг тихо, опаляет дыханием щеку, и его ладонь на талии становится тяжелой, а хватка на руке цепкой. — Это голубое платье… очень вам идет. Хотя предателям пристало носить желтый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.